

ВАСИЛИЙ
АРДАМАТСКИЙ

ДОРОГА БЕСЧЕСТЬЯ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Василий Ардаматский

Дорога бесчестья

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Ардаматский В. И.

Дорога бесчестья / В. И. Ардаматский — «Алисторус»,
2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-647-5

Василий Иванович Ардаматский (1911–1989) был одним из мэтров мирового шпионского детектива. Писатель, перенесший ленинградскую блокаду, тесно сотрудничал с советской контрразведкой – и писал о ее подвигах компетентно и остроумно. Этот сенсационный роман стал ярким событием для миллионов читателей. Герой этой книги – господин Дружиловский – был агентом нескольких разведок. Белогвардеец, эмигрант, он сочинял фальшивки, которые охранка капиталистических стран использует для расправы с коммунистами. Но вот господин Дружиловский решил сыграть в хитроумную игру с чекистами... Что из этого вышла? О судьбе одного из самых известных шпионов XX века – этот увлекательный роман, созданный на документальной основе.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-647-5

© Ардаматский В. И., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	40
Глава седьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Василий Иванович Ардаматский

Дорога бесчестья

Роман

© Ардаматский В.И., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

«Господам клеветникам, особенно в буржуазной печати, предоставлена полная свобода: выступай в печати анонимно, лги, и клевети, сколько хочешь, прикрывайся не подписанными ни одним официальным лицом, но якобы официальными сообщениями, – все сойдет с рук!»

В.И. Ленин

Бывший подпоручик царской армии Сергей Дружиловский накануне своей смерти на отдельном листке бумаги каллиграфическим почерком, без единой помарки, написал записку, непонятно кому и куда адресованную. Привожу ее полностью, не изменяя в ней ни слова.

«Но почему я??? Разве я один??? Разве я мог бы один??? А где теперь все, которые вели меня под ручки к могиле, а сами улыбались и приговаривали, что я вместе с ними делаю историю? Так спасите же меня, если это так!!! Сделайте Москве ноту, потребуйте, чтоб меня отдали вам, я же ваш, я же с вами историю делал и за это мне – смерть. Даже последние преступники при первой возможности выручают своих, потому что даже у них имеется благородство, а вы же фраки носите, на всех возможных языках изъясняетесь, в церковь ходите, и судили-то меня за вас, за ваши исторические дела-делишки. И смерть мне тоже за вас!!!

Что же вы, гады, затаились, затихли? Или, раз сегодня воскресенье, пошли с детишками в церковь грехи замаливать? Может, запишете меня в поминание?

Я-то думал – ну сподобило меня, вознесло в высокую политику, а выходит, прав был Саша Гаврилов, когда говорил, что политика та же шлюха, но только, если ты ей потрафишь, платит она, а не ты, но если ты ей не потрафишь, не дай бог, споткнешься, она тебе добавит выпятком...

Но где же тогда истина??? Где правда??? Где бог прощающий и карающий???»

Глава первая

Была осень 1916 года...

Курсант Гатчинской авиационной школы Сергей Дружиловский прогуливался по парку, размышляя о своей, как ему казалось, незадавшейся жизни. Приятно было вспоминать только детство в родном городе Рогачеве. И то лишь самое раннее... А потом появилась гимназия с ее свирепым директором, с ее учителями, их вечными придирами и ненавистным прозвищем «гайда-троечник». Переход в следующий класс как-то улаживал отец – полицейский исправник. Когда подступала страшная пора экзаменов, он надевал форменный сюртук и отправлялся на дом к уездному инспектору училищ. Что ему стоили эти визиты, неизвестно, но с каждым разом он возвращался домой все более разъяренным.

Гимназия сожрала детство. Из класса в класс он все-таки переходил, но в трех просидел по два года, а осенью 1914 года его исключили из предпоследнего класса.

Промучили столько лет и выгнали, когда это означало для него, переростка, немедленную мобилизацию в армию. Уже шла война. Отец сказал: «Ну и слава богу, послужишь отечеству, может, из тебя там человека сделают». Мать плакала не переставая.

Он подслушал, как, рыдая, умоляла она отца устроить его в тыловую часть, а тот ответил: «Нет от него толка, пусть хоть на войне послужит отечеству и ума наберется». – «Его убьют!» – вскрикнула мать. «Все под богом ходим», – спокойно ответил отец. В эту минуту Сергей очень ясно понял, что спастись надо самому.

Попав под Москву в полк формирования, он быстро разобрался в обстановке, узнал, что спастись от фронта можно. По совету полкового писаря он написал рапорт, в котором доложил начальству о своем страстном патриотическом желании посвятить всю жизнь военной службе и просил направить его в Московскую школу прапорщиков.

Прошью удовлетворили, и фронт отодвинулся на целый год. Учение на прапорщика совсем не то, что в гимназии, – знай маршируй в ногу да запоминай приказы короткие и ясные: «На пле-чо! К но-ге! Пли!..» И Москву повидал. Мать присылала немного денег, так что он мог кое-что позволить себе для души. Хаживал в московские кабаки, имел приятное знакомство с горничной начальника школы. Но год пролетел быстро, и он, свежееиспеченный прапорщик, был отправлен на фронт в 224-й полк 10-й армии.

Перед прибывшим на передовую офицерским пополнением выступил командующий армией генерал Иванов. Голос у него был негромкий, хриплый, до стоявшего на левом фланге малорослого Дружиловского долетали только отдельные слова:

– Доблестные сыны России... в трудный час... подлый германец... отдадите жизнь... отечество...

Шел дождь. Всем телом и душой ощущая мокрую тяжесть шинели, он с ненавистью смотрел на малиновые отвороты генеральской шинели и думал о том, что генерал вернется сейчас в теплую квартиру, велит денщику подать ему водки с икрой, а его, несчастного прапорщика, погонят в мокрый окоп.

Надо... Надо что-то делать. Он уже знал, кто лучше всех осведомлен обо всем, и подарил полковому писарю портсигар с изображением георгиевского креста на крышке, который предусмотрительно купил в Москве. Писарь рассказал, что пришла бумага, в которой начальник Гатчинской авиационной школы просит направить к нему изъявляющих на то желание младших офицеров, имеющих законченное гимназическое образование.

За составление соответствующей бумаги с упоминанием гимназического образования писарь взял десять рублей. Деньги большие, но не дороже жизни.

И он снова курсант. Два года в авиашколе дались ему кровавыми мозолями и потом. Это тебе не учение на прапорщика. Технические инструкции надо знать наизусть, как молитву, и

надо запомнить, может, целую тысячу всяких шестеренок, болтиков и гаек и уметь самому в жгучий мороз каждую поставить куда следует. А не будешь знать, за спиной как разверстая могила – угроза отчисления за неупеваемость в действующую армию. И вот теперь, когда до выпуска еще целых полгода, вдруг объявили, что звание авиаторов всем будет присвоено досрочно, и – на фронт...

Настроение у подпоручика Дружиловского было хуже некуда. И никаких возможностей утешиться. Жалованья ему еле хватало на субботнее посещение курзала да на хорошие папиросы. В карты последнее время не везло. Из Рогачева не присылали ни копейки. От отца изредка приходили коротенькие письма, и в каждом он призывал не шадить жизни во спасение святой Руси. Подпоручик рвал эти письма на мелкие клочки и, матерясь, топил в уборной. Мать богом заклинала его беречь себя, и он воспринимал материнский наказ всеми фибрами души, но было бы гораздо лучше, если бы она вместе с заклинаниями присылала еще и деньги...

Дружиловский медленно шел по усыпанной желтыми листьями аллее гатчинского парка, ударяя стеком по полам длинной шинели, из-под которой выблискивали его сверкающие сапоги на непомерно высоких каблуках. Все ему недодано судьбой, даже рост.

Впереди слышались мужские голоса и сочный хохот. Навстречу шла компания поручика Кириянова. Дружиловский метнулся в сторону и сел на скамейку – он избегал оказываться рядом с высоким и статным Кирияновым, возле которого всегда клубилась шайка подхалимов: вся школа у него на откупе, зовут его «наш банкир», и ему это страшно нравится... Легко сорить деньгами, когда папаша, владелец паровой компании, открыл тебе счет в петроградском банке – бери сколько хочешь! Чтоб так везло человеку! А уж если повезет, так повезет во всем – любовница у Кириянова, хоть и троюродная, а племянница великого князя Николая Николаевича. По субботам за Кирияновым приезжает большой черный автомобиль и увозит его в Питер. Даже школьное начальство боится Кириянова...

Слава богу, не заметили – прошли мимо, гогочут во все горло...

Дружиловский оглянулся со вздохом облегчения и увидел, что рядом на скамейке сидит нарядная дама. Из-под широких полей шляпы выглядывало милое курносое личико с голубыми добрыми глазами. Изящное синее пальто со шнуром облегло ее полноватую фигуру. Пожалуй, ей было все тридцать, но она была очень свежа, крупитчата, как говорили у них в Рогачеве. «Племянница великого князя тоже не первой молодости», – мелькнуло в голове у подпоручика. Он встал, почтительно поклонился и очень деликатно спросил:

– Простите, пожалуйста, не мог ли я вас видеть прошлой зимой в опере?

Женщина удивленно взглянула на него.

– И все-таки я не мог ошибиться, – продолжал Дружиловский. – Извините, извините, я помешал вам. Ради бога, извините. – Он шаркнул ногой, поклонился и, повернувшись уже уходить, воскликнул: – Нет, нет, спутать вас с кем-нибудь нельзя! – И снова посмотрел на нее.

Она чуть-чуть улыбалась, с интересом смотрела на него.

– Вы авиатор? – вдруг спросила она.

– У каждого своя судьба, – со вздохом ответил он и сел на скамейку.

– И вы... летаете?

– Ничего не поделаешь, наша война в небе.

– Боже, как страшно!

Слово за слово, и разговор наладился. Вскоре он уже знал, что даму зовут Кира Николаевна, но выяснить о ней что-нибудь еще не удавалось.

– Много будете знать, скоро состаритесь, – игриво отвечала она.

А ему не до шуток, ему надо знать...

Он пригласил ее в ресторан курзала. Кира Николаевна только насмешливо улыбнулась в ответ.

– По-моему, я не предложил вам ничего неприличного, – обиженно сказал он.

– Вряд ли вы были бы довольны, если бы ваша жена с кем-то пошла в ресторан, – сказала она очень серьезно.

– Во-первых, жены у меня нет и никогда не было.

– А у меня есть муж, – перебила она.

– Во всяком случае, на его месте в такой вечер я бы не отходил от вас, – сказал он негромко.

Она повернулась к нему.

– Не надо об этом.

В ее голосе он услышал мольбу и все понял. Больше он на этой струне пока играть не будет. Можно поговорить о погоде...

Выяснилось, что оба они не любят здешнюю мокрую осень. Оказалось, что родом она из Калуги и что осень там прекрасна. Он вспомнил свой Рогачев... Он узнал, что в Калуге живет ее мама. Собственный дом на Соборной площади. Сестер и братьев нет. Папа умер. Выспрашивать другие подробности рано. Но он все-таки спросил, кто ее муж.

– Это не имеет никакого значения, – задумчиво ответила она.

Уже начало темнеть, и Кира Николаевна собралась уходить домой.

– Когда я вас увижу? – спросил он с трагической настойчивостью.

– Не знаю.

Он вспомнил, что завтра, в воскресенье, возле курзала традиционная выставка осенних цветов, и пригласил ее. Она согласилась, а пока не разрешила даже проводить до дому. Они простились у ворот парка. Но Дружиловский пошел следом и увидел, что она вошла в каменный двухэтажный особняк. «Это посolidнее, чем дом в Калуге», – подумал он и быстро зашагал в казарму. Плохого настроения как не бывало, он замурлыкал под нос «Матчиш – хороший танец...».

На другой день Дружиловский, весь отглаженный, с начищенными пуговицами и сапогами, благоухающий модными духами «Коти», прохаживался около собора, где обещала быть на обедне Кира Николаевна. Утро было солнечное, тихое, нежно-прохладное, с деревьев медленно падали желтые листья; освещенные солнцем дорожки церковного сада казались ему мощенными золотом. Он чувствовал себя красивым, значительным, на него оглядывались, и он еще выше поднимал маленькое худощавое лицо.

Игриво заблямкали колокола, и из собора повалил народ. Подпоручик встал у чугунной решетки, с любопытством смотрел на лица выходявших из церкви и посмеивался над их задумчивой отрешенностью. Сам он не верил ни в бога, ни в черта и считал, что все без исключения ходят в церковь только за тем, чтобы показать на людях свою добропорядочность. Ну вот тот, толстый, в дорогой поддевке и картузе, в сопровождении разряженных женщин, – о чем он сейчас беседовал с богом? Как побольше денег загрести?

Мелькали кокетливые шляпки с цветами, хорошенькие молодые лица, старики с белыми бородами, пожилые женщины в темном. Оказывается, это очень забавно – стоять у церкви и смотреть на эту разношерстную толпу.

И вдруг он услышал за спиной:

– Ах вот вы где, а я искала вас в церкви.

– Вы праздник моего одиночества, – сказал он, глядя в голубые, немного испуганные глаза Киры Николаевны.

– Расскажите мне, почему же вы так одиноки? – сочувственно попросила она.

– Одиночеством, Кира Николаевна, не делятся, оно всегда и безраздельно принадлежит одиноким, – грустно и наставительно ответил он. – А мне оно тяжело вдвойне: я одинок и на земле, и там... – Он посмотрел в бледно-голубое небо и добавил тихо: – Мы и погибаем в одиночку.

– Зачем вы так говорите, зачем? – Она смотрела на него с нежной грустью, а он был очень доволен – наступление начато им правильно.

Они бродили среди заваленных цветами прилавков, расставленных возле курзала. В раковине военный духовой оркестр играл вальсы. Царицей праздника была хризантема. Белые, голубые, алые пушистые цветы, разноцветные наряды дам, солнце, музыка создавали праздничную атмосферу. Кира Николаевна говорила, что ей почему-то грустно – это последние цветы, последнее солнце.

Они слушали певицу в глухом черном платье, низким вибрирующим голосом она пела: «Отцвели уж давно хризантемы в саду...»

Потом Дружиловский подарил Кире Николаевне букет нераспустившихся хризантем.

– Со значением, – сказал он, влюбленно смотря на нее.

Как часто в здешних местах, на склоне дня ветер с моря нагнал тучи – погасло солнце, и вместе с ним погас праздник. Начал накрапывать дождь. Публика торопливо покидала выставку. Многие устремились в ресторан. Дружиловский со своей спутницей пережидали дождь в вестибюле ресторана, и, когда кельнер предложил им стол, отказаться было нельзя.

– Мы только переждем дождик, – оправдывалась Кира Николаевна.

Неподалеку, за столом около эстрады, шумела компания поручика Кирьянова, и оттуда можно было ждать любой пакости. «Хорошо бы отсюда уйти», – думал Дружиловский, но не знал, что делать дальше. Кира Николаевна смотрела на его красивое сумрачное лицо и думала, какой же он, оказывается, скромный, этот офицерик. Он ей все больше нравился – чистенький такой, волнистые волосы, острые черные глаза, элегантные усики, маленькие женственные руки. И вот на тебе, авиатор, а такой чувствительный. И такой одинокий... Чтобы ободрить его, она попросила заказать вина.

– Я хочу выпить за то, чтобы вы не чувствовали себя одиноким ни в небе, ни на земле, – сказала Кира Николаевна, подняв свой бокал с золотистым «Каберне».

Он благодарно склонил напомаженную голову и на одном дыхании осушил свой бокал.

– Спасибо... Но вы не представляете, каким одиноким чувствуешь себя в небе, – печально сказал он, взглянув на разрисованный потолок. – Великое вам спасибо за ваш тост, – он поцеловал ей руку, и она не отняла ее.

– Один мой друг, тоже авиатор, говорит: против нашего одиночества есть только одна великая сила – любовь... – продолжал он, держа ее руку и смотря в ее голубые, заблестевшие от вина глаза.

Покончив с бутылкой «Каберне», он заказал шампанское.

Киру Николаевну точно подменили – она раскраснелась, чопорность как рукой сняло, она не закрывала рта, громко смеялась.

– Знаете, кому я больше всего верю? – говорила она, смотря на него потемневшими, горящими глазами. – Картам! Да, да, картам! Не дальше как в пятницу я три раза бросала карты, и три раза сверху оказывался валет треф.

Он проснулся в душной постели и долго не мог понять, где находится. Над ним был глухой синий купол, с которого к подушке свисал шнурок с кистью. Он потянул за шнурок, и купол стал отделяться от постели, подниматься вверх. В свете раннего утра он увидел рядом безмятежно разметающуюся Киру Николаевну. Все стало на свое место. Но кто же она, черт побери?

Выбравшись из-под балдахина, он осмотрелся. На стене висел портрет мужчины в черном сюртуке, с острыми черными усами и строгим взглядом из-под кустистых бровей. Кто это?

За завтраком Кира Николаевна вдруг запричитала:

– Какой ужас, что мы с тобой наделали...

– Хорошо бы все-таки знать, кто он, этот мой соперник? – спросил он очень серьезно, взяв ее за руку.

– Генерал Гарднер... – еле слышно ответила она.

– Еще одна тыловая крыса? – спросил он.

– Что ты... что ты... – ее глаза расширились: – Он свой человек при дворе, друг-приятель гатчинского коменданта генерала Дрозд-Бонячевского, его знает весь Петроград, он очень опасный человек!

Он, смеясь, поднял руки.

– Сдаюсь и обращаюсь в паническое бегство.

– Я его не люблю... Он очень плохой человек... он изменяет мне направо-налево, а меня держит в этой каменной клетке.

Она выпустила его через кухню на заднее крыльцо.

В тот же день он разузнал, что генерал Гарднер занимается закупкой продовольствия и оборудования для привилегированных военных лазаретов, патронируемых особами царской фамилии, и, кроме того, причислен к «состоявшему под августейшим председательством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Верховному совету по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов». Так или иначе, пока шла война, Гарднер купил в Питере два коммерческих дома и особняк для любовницы. В петроградском доме генерала в преферанс играли по рублю, и за ночь там проигрывались состояния... «Великий вор», – решил Дружиловский и на этом построил свои дальнейшие планы.

Разыгрывая роль влюбленного, тяготящегося своей бедностью и страдающего от необходимости скрывать свою любовь, он без особого труда уговорил Киру Николаевну принять участие в шантаже генерала. Она оказалась прекрасно осведомленной о делах своего неверного мужа.

Под угрозой обнародовать его воровские проделки генерал выдал счастливым любовникам крупную сумму. Дружиловский положил эти деньги в банк на свое имя, сговорившись с генеральшей о покупке дома в Крыму.

В январе семнадцатого года пришел приказ об отправке курсантов авиашколы на фронт. Снова пришлось беспокоить генерала, и на этот раз пригодилась его дружба с гатчинским военным комендантом. Дружиловский превратился в преподавателя школы и на всякий случай был положен в лазарет. Он снова спасся от фронта и уже думал, что выбрался, наконец, на счастливую дорогу. Лежа в госпитале, строил планы, как он использует хранящиеся в банке 30 тысяч рублей, и почему-то чаще всего приходила в голову мысль завести в Питере собственный ресторан. Он видел себя – респектабельного, независимого, встречающего легким поклоном денежных клиентов. Станным образом генеральша в его мечтах, как правило, отсутствовала.

Никогда не забудет он то страшное утро... В палату вошла сестра милосердия и сказала не то испуганно, не то радостно, что в Петрограде революция. Больше она ничего не знала. Его сосед по палате, до гражданской жизни фабрикант, еще вчера лежащий больной, вскочил с постели и побежал звонить кому-то по телефону. Он вернулся в палату и, глядя на Дружиловского безумными глазами, сказал: «Все полетело к черту, царь свергнут». Он потребовал свою одежду и поспешно покинул госпиталь.

«Деньги! Что будет с ними?» – с ужасом подумал Дружиловский и на другое утро тоже ушел из госпиталя.

Банк работал как обычно. Чиновник быстро выдал ему справку о процентном начислении на его капитал. Он немного успокоился. Но, побродив по шумному и тревожному Петрограду, послушав, о чем говорят улица, снова пошел в банк и забрал деньги.

– Правильно делаете, все умные люди переводят деньги в ценности, – шепнул ему чиновник.

Что это значит и как это делается, Дружиловский толком не знал, но тяжелый сверток с деньгами безотчетно успокаивал.

В Гатчинской авиашколе, куда он вернулся, по случаю революции царила полная вольница. Каждый день митинги – одни говорят: войне конец; другие: надо воевать до победного конца. Поди разберись, что будет. А пока занятий в школе нет. Начальники первые отдают честь курсантам. На поверках отсутствует половина личного состава. Однажды срочно собрали всех, кто был на месте, и перед ними выступил сам Керенский. Он говорил час, а может, и больше. Дружиловский слушал его очень внимательно, но главного – что будет дальше? – так и не узнал. И оставалась главная тревога: что делать с деньгами?

Он съездил в Петроград, нашел там маклера, с помощью которого хотел перевести деньги в ценности. Он уже выяснил, что это такое. Но маклер, узнав, о какой сумме идет речь, потерял к нему всякий интерес и сказал, что такими мелкими операциями он не занимается.

– Как мелкими? Тридцать тысяч! – возмутился Дружиловский.

– На нынешнем рынке это мелочь, – ответил маклер.

Катастрофа с деньгами сильно его пришибла. Золотая его мечта сгорела в трижды проклятой революции. Все полетело к черту, и генеральша с ее домом оставалась для него единственным надежным убежищем от всех несчастий.

В школе революционная вольница вскоре кончилась. Офицеры снова кричали на курсантов и строго взыскивали за малейший проступок. Возобновились ежедневные занятия, строевая муштра, и опять возникли слухи о фронте – Керенский на каждом митинге умолял всех воевать до победного конца...

В воскресенье, когда Дружиловский валялся на постели у своей генеральши, явился Гарднер. Два с лишним месяца он пропадал неизвестно где и вдруг пожаловал. На своего счастливого соперника он не обратил никакого внимания, вызвал жену в другую комнату, и они там долго спорили о чем-то.

Дружиловский старался понять, о чем они говорят, но массивные дубовые двери слабо пропускали звуки. Потом все стихло.

Кира Николаевна, всхлипывая и утирая платочком слезы, вернулась в спальню.

– Разбойник... – Горько плача, она рассказала, что генерал отобрал сейчас у нее значительную часть ценностей.

Наступила глубокая осень. Генеральша порядком надоела Дружиловскому, но он привык к ее вкусным обедам, к ее мягкой просторной постели и даже к ее глупости – все вокруг было так шатко, так непонятно, а возле генеральши можно было прожить, пока кончится вся эта неразбериха.

Свершилась еще какая-то революция, и в школе появилась новая и грозная фигура – комиссар. Это был высокий худой человек с болезненно желтым лицом. Казалось, он никогда не снимал с себя скрипучей кожаной тужурки и маузера на ремне через плечо. Говорил он тихим голосом, а когда сердился, дергал шеей, будто ему вдруг становилось трудно дышать. В день своего появления он созвал персонал школы и всех курсантов в актовом зале.

Комиссар сидел за столом, покрытым красной материей, и сердито поглядывал на опоздавших. Над ним, на стене, где до недавнего времени долгие годы висел поясной портрет царя, остался светлый прямоугольник. Его пересекал лозунг на красном полотнище: «Вся власть Советам!»

В первом ряду никто сесть не решился. Все смотрели на комиссара, а он тоже вглядывался в зал прищуренными глазами и подергивал шеей.

В зале было очень тихо, и стало слышно, как скрипнула комиссарская кожанка, когда он вставал. Он медленно оглядел зал.

– С пролетарской революцией я вас не поздравляю, так как знаю, каким элементом засорена школа, – начал он негромким, надтреснутым голосом и, дернув шеей, продолжал: – Я комиссар школы. Эта должность рождена пролетарской революцией. Я послан сюда своей партией большевиков. А вообще-то я моторист по аэропланам, служил в четвертом авиационном

полку. Вместе со мной сюда, в школу, пришла революция. Отсюда и выводы. Ничего враждебного революции не останется в этом здании. Школа будет выпускать летчиков, преданных революции, красных летчиков. Классовым врагам мы крыльев не дадим!

Комиссар прошелся перед столом и, резко дернув головой, повторил, повысив голос:

– Классовым врагам крыльев не дадим! Все слышали? С сегодняшнего дня допуск к аэропланам и другой технике – только по моим пропускам. Занятия в классах и строевую подготовку приказываю продолжать. Ясно всем?

– Разъясните, пожалуйста, что такое классовые враги? – послышался голос из задних рядов.

Многие засмеялись.

Комиссар сердито дернул шеей, поправил на плече ремень маузера и вдруг улыбнулся.

– Тот, кто спросил, я думаю, будет летать. Разъясню вкратце. Был царь... – Комиссар большим пальцем через плечо показал на стену, где остался светлый прямоугольник от царского портрета. – Нет царя. Революция выбросила в мусорную яму истории царя и с ним монархию. Кому это нож в горло, те наши классовые враги. Была буржуазия – фабриканты, банкиры, купцы, помещики и прочие толстосумы. Революция отняла у буржуазии власть, а заодно фабрики, землю, банки. Кому это нож в горло, те наши классовые враги. Они это сами понимают, они здесь смеялись над тем, кто этого не понимает. А задал вопрос человек, который сам от революции не пострадал и хочет знать, не пострадает ли он теперь от меня. У меня есть желание побеседовать с ним по душам.

Дальше... Революция еще не все отняла у буржуазии и монархистов. У них еще осталась возможность бороться с революцией, вредить нашей пролетарской власти. Предупреждаю – дело это безнадежное и конец один – гибель от беспощадно карающей руки революции. Прошу это уяснить и сделать выводы, каждый для себя. А теперь можно разойтись.

В тот же день был вывешен приказ комиссара – всем заполнить анкеты из десяти вопросов. Самый страшный четвертый – социальное происхождение, в скобках разъяснение: «Кто ваши родители?» Анкету следовало сдать в трехдневный срок.

«Наш банкир» Кирьянов заполнять анкету не стал и в тот же день исчез. Его примеру последовали еще несколько офицеров. Дружиловский не знал, куда ему податься, и, просидев над анкетой целую ночь, на четвертый вопрос так и не ответил.

Спустя несколько дней его вызвали к комиссару. Он робко вошел в сумрачную комнатку, за единственным окном которой кружилась метель. Комиссар сидел за столом в своей неизменной кожанке и при маузере. Пригласив Дружиловского сесть на табуретку, комиссар сказал глухо:

– Разговор будет по вашей анкете, – комиссар держал анкету в руке и смотрел на него поверх листка бумаги. – Значит, родителей у вас нет? – запустив пальцы за воротник, комиссар оттянул его, точно ему было душно.

– Почему нет, есть, – ответил подпоручик, опустив голову.

– Так... – комиссар бросил анкету на стол и спросил: – Кто ваш отец?

Земля колыхнулась под Дружиловским, но он стиснул колени, и медленно поднял голову, и, будто приносясь к воздуху в комиссарской комнатке, ответил:

– Служил... – и после долгой паузы добавил: – В провинции...

– Полицейским исправником?

– Исправником, – тихо повторил подпоручик, верхняя губа его задрожала, приподнялась, открыв мелкие зубы.

Комиссар встал, подошел к окну, постучал пальцами по стеклу и, не оборачиваясь, спросил:

– А вы-то, собственно, кто? Почему вы преподаете в школе пулеметное дело? Из ваших документов это понять невозможно.

– Поручили, я и преподаю, – уныло ответил он.

– А если вам поручат играть на скрипке? Вы ж и не летчик, и не навигатор. И вообще, я думаю, что вы здесь просто отсиживались от фронта. У нас этот номер не пройдет.

Он сидел ссутулясь на табуретке, сжав коленями мокрые руки, и молчал.

– Вы не собираетесь покинуть школу, как некоторые?

– Нет, – поспешно ответил Дружиловский.

– Мы можем предложить вам только... вольнонаемную должность кладовщика. Согласны? – равнодушно спросил комиссар.

– Я хочу подумать... – сказал Дружиловский и в эту минуту решил сегодня же уехать в Москву.

Глава вторая

Дышать в вагоне было нечем. Кто-то, не выдержав, открывал дверь, и в переполненный вагон врывались белые клубы морозного воздуха, сразу становилось холодно, и тогда раздавалась яростная брань. Дверь закрывали, и снова люди задыхались, кричали, что нечем дышать, и все начиналось сначала.

А поезд, качаясь на стрелках, вздрагивая на стыках рельсов, катился и катился сквозь метельную ночь, вез в Москву взбудораженный революцией пестрый люд: военных и штатских, старых и молодых, городских господ, деревенских мужиков.

Вагон стонал во сне, разговаривал, ругался, надсадно кашлял, грохотали колеса, и металось в фонаре над дверью зыбкое пламя свечи.

Забившись на верхней полке в самый угол под потолком, Дружиловский со страхом думал о том, что ждет его в Москве. Он очень надеялся, что ему поможет Саша Ямщиков – его приятель и однокашник по 4-й московской школе прапорщиков. Саша писал ему недавно, что работает теперь метрдотелем в ресторане «Аврора», звал бросить военную каторгу и перебраться в Москву. «Здесь царит невероятный хаос, – писал он, – если не растеряться, можно иметь все и жить как у Христа за пазухой...»

– Эй там, на галерке! Слезай! – кричал кто-то снизу и дергал его за шинель. Сжавшись от страха, он сделал вид, что только проснулся, и посмотрел вниз.

– Слезай! – кричал ему широкоплечий парень в кожанке и с комиссарским маузером на ремне. – Проверка документов!

Уже светало. Сквозь замороженные окна в вагон лился густой синий свет, лица людей в нем были мертвенно-белыми.

Склонившись к фонарю, который держал проводник вагона, парень в кожанке долго рассматривал временное удостоверение Дружиловского, утверждавшее, что он является преподавателем Гатчинской авиашколы.

– Командировка? – миролюбиво спросил парень, возвращая удостоверение.

– Отпуск... – еле слышно ответил Дружиловский и закрыл рукой рот с усиками.

– Куда едем?

– В Москву, – дрожащими губами ответил он.

– Если пробудешь там более трех дней, заявишься в военкомат по месту жительства.

– Слушаюсь... – вытянулся он и крепко сомкнул губы. Еще не верилось, что все сошло благополучно.

Наверх он больше не полез, сел на полу. Никто не обращал на него внимания.

На московском перроне было оченьлюдно, шумно, и он совсем успокоился – кто тебя заметит среди плывущих над толпой мешков, узлов, чемоданов, корзинок. Тех, кто нес их на своих плечах, не было видно, и казалось, что вещи сами двигались к выходу. Все это дымилось на ходу, пахло дублеными шубами, дегтем, карболкой.

Дружиловского вынесло на снежную просторную площадь. Извозчики кричали и гикали, зазывая седоков. На трясучем, громыхающем трамвае он поехал к центру города.

Москва выглядела так же, как в первый год войны, когда он учился здесь в школе прапорщиков. Скрипя по снегу железными подрезами, проносились конные возки с важными пассажирами, по тротуарам текла оживленная толпа, улицы и трамваи заполняли спешившие на работу люди. На стенах домов, на витринах магазинов, на афишных тумбах, столбах, на трамваях и даже на памятниках – всюду были наклеены плакаты и объявления. Они призывали к пролетарской бдительности, разоблачали дурман религии, разъясняли международное положение и снова звали к беспощадной бдительности. У Страстного монастыря он сошел с трамвая и

стоял, глядя на знакомую площадь. Начинался безветренный зимний день с легким морозцем и робким солнцем, золотившим белые крыши домов и макушки заиндеветых деревьев.

Он постоял немного, прошел к памятнику Пушкину и сел там на скамейку – Саша писал, что на работу приходит к полудню, надо было как-то убить время. Рядом на скамейках сидели бабушки и няни, ребятишки с визгом бегали вокруг памятника. Рослый бородатый старик в валенках, подшитых кожей, сгребал снег в аккуратные сугробы. По середине площади ходил милиционер в длинной темной шинели. Все это совсем не было похоже на хаос, о котором писал Саша.

На Петровских линиях, где находился ресторан «Аврора», как и до резолюции, вдоль тротуара стояли извозчичьи возки. На облучках дремали извозчики в пышных, припущенных ином армяках, перехваченных кушаками.

В зале ресторана царил полумрак. Стулья лежали на столах ножками вверх. Кисло пахло табаком и духами.

Сонный гардеробщик провел Дружиловского через зал в каморку без окон, и там он нашел своего приятеля.

– Серик! Здорово! – закричал Саша, бросаясь к нему с распростертыми объятиями. – Вот молодец! Приехал! Садись, Серик, садись, мы сейчас кофейку сообразим, – говорил он ласково и как-то беспокойно, а улыбка на его курносом лице то появлялась, то исчезала...

Дверь открылась, и высокий пожилой мужчина с красивым, но сильно помятым лицом внес на подносе кофейник. Он разлил кофе и, сунув поднос за диванчик, сел к столу, за которым сразу стало тесно. Саша взял Дружиловского за локоть.

– Знакомься, Серик, это Павел Григорьевич, наш буфетчик, – снова ласково и беспокойно заговорил Ямщиков. – Павел Григорьевич кончал Пажеский корпус. К большой жизни был предназначен. К очень большой.

Павел Григорьевич недовольно посмотрел на него из-под припухших век.

– К чему этот некролог?

– Ладно, ладно, не буду, – послушно наклонил голову Ямщиков.

Буфетчик медленно перевел взгляд на Дружиловского.

– Вас, я слышал, зовут Сергей Михайлович? И вы, я слышал, офицер? Это прекрасно. – Он сжал рукой массивный, мягкий подбородок. – Насколько мне известно, вы приехали в Москву попытать счастья. Это прекрасно, время для этого самое подходящее. Где будете проживать?

– Есть далекая родня, но надо ее отыскать.

– Не надо, – сказал Павел Григорьевич. – Пока поживете у меня, места много, вдвоем будет веселее. Двум русским офицерам есть о чем поговорить длинными зимними ночами...

– Мне еще надо работу найти.

– Не торопись, Серик. Работа не волк... – вмешался Ямщиков.

– Пока поработаете здесь, – добавил Павел Григорьевич.

Обычно до полудня Дружиловский спал, а потом вместе с Павлом Григорьевичем через всю Москву они ехали на трамвае в ресторан «Аврора». Там он помогал Ямщикову расставлять стулья, одним пальцем печатал на машинке меню и отчетность по буфету. Потом до вечера было несколько свободных часов, и он болтался по Москве. Не очень веря в посулы Ямщикова и Павла Григорьевича, присматривал себе работу. А вечером снова помогал Саше. Надевал великоватый ему официантский смокинг и делал все, что велел Ямщиков, – улаживал конфликты гостей с официантами, утихомиривал, а то и выдворял подвыпивших скандалистов... Поздней ночью на последнем трамвае они с Павлом Григорьевичем возвращались домой в Сокольники. Никаких офицерских разговоров они не вели – измотанные дорогой и длинным днем в ресторане, сразу ложились спать.

Так прошел месяц. На улице запахло весной. К этому времени Дружиловский уже при-
смотрел себе чистую работу – его брали администратором в кинематограф. Это было гораздо
лучше, чем каждый вечер выслушивать пьяные бредни ресторанных гостей.

Вечером он сказал об этом Саше Ямщикову, но тот встревожился и даже обиделся:

– Не дури, Серик, как раз сегодня мы с Павлом Григорьевичем решили сделать тебе
солидное предложение.

Дело оказалось очень выгодным... Какие-то умные люди сумели выкачать спирт из
цистерны, стоявшей на товарной станции. Теперь они продавали этот спирт. Ямщиков и Павел
Григорьевич собирались его купить, разводить водой и подавать у себя в ресторане вместо
водки. Дружиловскому пока поручили произвести своеобразную разведку – купить у жуликов
пробный бидончик спирта – и за одно это обещали сумму, которая равнялась его жалованью
в летной школе за целый год.

– А если меня с этим бидоном задержат? – спросил он.

– Ну и что? – очень спокойно возразил Павел Григорьевич, рассматривая свои сцеплен-
ные на столе руки. – Пришел купить спирта – какая же тут вина? Вы же не знаете, откуда тот
спирт.

– А откуда же я узнал, что он там есть?

– На Сухаревке кто-то сказал адрес, а ты случайно услышал... – сказал Ямщиков, он был
очень серьезен сегодня. – На сутки неприятностей – это в худшем случае...

Вечером он отправился в Сокольники. Пришлось долго плутать по дачным улочкам, по
обледелым тропинкам – на половине домов не было номеров, и почти нигде не было назва-
ний улиц.

Наконец он отыскал нужный дом. Это была приземистая хибара, почти не видная с улицы
за кустами. В двух маленьких окнах горел свет – желтые квадраты лежали на осевшем снегу.
Занавески на окнах были плотно задернуты.

Дружиловский поднялся на ветхое скрипучее крылечко и постучался в дверь. Ему тотчас
открыли.

– Здесь живут Курихины?

– Идите за мной, – ответил из темноты низкий женский голос.

Вытянув вперед руку, Дружиловский пошел на голос. Открылась дверь, и он шагнул
через порог в освещенную комнату. Женщина, ничего не говоря, взяла из его рук бидончик и
ушла, а он ждал, тревожно выставив вперед худое лицо.

Комнату освещала висевшая под потолком керосиновая лампа-«молния», в углу перед
иконами теплилась лампада, в лежанке потрескивали угли, и оттуда тянуло теплом. На под-
оконнике в клетке, попискивая, прыгала с жердочки на жердочку канарейка. Все тут дышало
уютom спокойной, тихой жизни.

Вернувшись, женщина поставила бидончик к ногам Дружиловского, сказала негромко:

– Цена как было сказано, есть ведер двести... – Она села за стол и пододвинула к себе
раскрытую книгу.

Он взял бидон и направился к выходу.

– Дверь закройте хорошенько, пожалуйста, – попросила женщина.

Тропинка была скользкая, и с полным бидоном идти было труднее. Подойдя к калитке,
он поставил бидон на землю и стал надевать перчатки. В это время калитка открылась, и мимо
него быстро прошли несколько человек. Один остановился возле Дружиловского, взял бидон
и сказал тихо:

– Идемте.

На улице поодаль стояли два черных автомобиля.

Везли его долго, а куда, не понять. Наконец автомобиль въехал в ворота и остановился. Дружиловский успел заметить только, что двор тесный, а вокруг дома большие и высокие. Его провели в комнату на втором этаже и сразу же начали допрашивать.

Следователь был совсем молодой, а когда снимал очки, близорукие его глаза смотрели совсем по-ребячи.

– Вы знаете, где находитесь? – спросил следователь, протирая очки носовым платком и прищурясь. Не ожидая ответа, он пояснил: – Вы находитесь в ЧК, на Лубянке. Коротко скажите, кто вы?

– Я преподаватель Гатчинской авиационной школы, – ответил он после долгого молчания, верхняя губа его дрожала, и он придерживал усы пальцем.

– Покупкой ворованного спирта занимаетесь в свободное время? – спросил следователь.

– Просто хотел подешевле купить... для себя... угостить товарищей по школе...

– Для товарищей, значит? Но товарищи-то где? Гатчина, я слышал, под Петроградом, а вы орудуете в Сокольниках, в Москве. Ну? – Следователь взял ручку, занес ее над листом бумаги.

– Я приехал в Москву в отпуск, собирался возвращаться в школу и решил порадовать своих товарищей...

– Документы, – приказал следователь и отложил ручку.

– Пожалуйста.

– Дружиловский Сергей Михайлович?

– Так точно.

– Документ без фото... так что...

– Запросите Гатчину.

– Вот вам бумага, извольте подробно описать свою жизнь от рождения и до... спекуляции спиртом, – строго сказал следователь и ушел.

В комнате у двери остался бородатый солдат с винтовкой.

По следственному делу банды спекулянтов видно, что чекисты считали Дружиловского мелкой фигурой, но поначалу они допрашивали его ежедневно. Хотели выяснить, откуда он узнал о доме в Сокольниках, но он о своих друзьях из ресторана «Аврора» упорно молчал.

Были очные ставки с хозяевами дома. Женщину он узнал, и она подтвердила, что продала ему бидончик спирта из запасов мужа. Приводили ее мужа, толстого, с бритой наголо головой.

Через месяц из внутренней тюрьмы ВЧК Дружиловского перевели в Бутырскую и перестали допрашивать. Уже наступило лето, тополь посреди тюремного Двора ронял нежный пух, который покрывал высокий подоконник окна и шевелился там от сквозняка, будто живой. Дружиловский наблюдал за ним со своего места на нарах, и ему с острой тоской вспоминалось детство – невозвратное рогачевское приволье.

Однажды навестил буфетчик Павел Григорьевич. Они несколько минут разговаривали через проволочную сетку в присутствии часового.

– Все прекрасно, не волнуйтесь, – сказал Павел Григорьевич, глядя на него из-под нависших век строго и требовательно. – Саша вам кланяется, он не смог прийти, приболел. Скоро увидимся. Только на суде не качнитесь, – тихо добавил он одними губами.

В августе, наконец, наступил день суда. Долго и терпеливо выяснялись преступные связи обитателей домика в Сокольниках с другими шайками спекулянтов. О Саше Ямщикове и Павле Григорьевиче речи не было. Дружиловского допрашивали мало, а когда спросили, он рассказал про свой бидончик и про то, как хотел порадовать спиртом дружков по летной школе. Двоих обитателей домика в Сокольниках суд приговорил к расстрелу. Дружиловский расширенными глазами смотрел, как их уводили из зала суда, у него дрожали колени.

За отсутствием доказательств, что единовременная покупка спирта была произведена в спекулятивных целях, Дружиловского приговорили к шести месяцам тюремного заключения с зачетом пребывания в тюрьме до суда.

Где и как Дружиловский провел лето и зиму, неизвестно, но в мае 1919 года он объявился в Гатчине. Кира Николаевна, рыдая, повисла на нем и никак не могла успокоиться.

– Я умираю от голода, – сказал он трагическим голосом.

Она внимательно посмотрела на него, и глаза ее округлились:

– Боже! Что это с тобой? – прошептала она, смотря на его землистое лицо, ввалившиеся щеки и обвисшие усы.

– Пять дней ничего не ел...

Она стала его раздевать, поливала горячей водой на руки, потом бросилась на кухню и принесла еду в столовую.

Он долго и молча ел, а она сидела напротив и, подперев пухлый подбородок, смотрела на него.

– Милый, где же ты пропадал?

– Там меня нет... – жуя, пробормотал он.

– Боже, что я тут пережила! Если бы ты знал! Пошла в твою школу. «Нет, – говорят, – вашего Дружиловского и не будет». Представляешь? Три дня проплакала. Потом пошла к гадалке. «Он жив», – говорит. Господи, что я только не передумала! Опять пошла к гадалке – нет ли у меня соперницы?

– Мне бы к ней сходить и поспросить о своих соперниках, – улыбнулся он.

– Ты про генерала? Сгинул он, как сквозь землю провалился, – радостно сказала она.

– Ну смотри, – погрозил он очень серьезно. – Я все узнаю. Если что, пожалеешь.

Она с радостными слезами прижала его голову к груди, стала целовать. Он не сопротивился, целовал ее и думал, что все идет хорошо, по плану...

Ночью долго не спали, сговаривались, что делать дальше. Он рассказал ей, как ездил по Крыму и нашел в Гурзуфе, вблизи Ялты, то, что им нужно. На самом берегу, над морем, с садом и огородом, двухэтажный дом, красивый, удобный, с тремя комнатами для сдачи курортникам.

Кира Николаевна обрадовалась, но смотрела на него растерянными глазами.

– Ну и что? Что же мы можем сделать?

– Я свое дело сделал, милая, я нашел и хочу одного, чтобы мы поскорее там поселились. Но сложности, конечно, есть... Во-первых, нужно срочно дать ответ, и, во-вторых, плату требуют золотом, в нынешние деньги веры нет. Хозяин приехал вместе со мной. – Дружиловский тяжело вздохнул и опустил голову. – Не знаю, что делать... Не знаю.

– У меня есть кое-что... но такая малость... – после долгого молчания тихо сказала она.

Вот! Еще один шаг по плану... Он стал рассказывать, как он все это время мечтал очутиться в этом доме, заглянуть в ее глаза и забыть обо всем на свете.

– Я-то в Крым попал, спасаясь от ЧК, – рассказывал он, понуря голову. – Скажу тебе всю правду – друзья-офицеры уговорили меня морем удрать с ними в Турцию. Никакого другого выхода у меня не было: или эвакуация, или смерть в подвале ЧК. Пробраться сюда, к тебе, я даже подумать боялся... Ну вот... Поехали мы с приятелем в Гурзуф за его матерью. А там я увидел этот дом. Представил себе, как мы с тобой здесь заживем... Не могу тебе объяснить, что со мной произошло. Когда я сказал приятелю, что возвращаюсь в Гатчину, он решил, что я сошел с ума. Ему я не мог ничего толком объяснить, но я уже ничего не боялся: ни чекистов, ни черта лысого... – Он взял ее руку и прижал к губам. – Если б ты только знала, что я пережил, чтобы вернуться к тебе.

Кира Николаевна рассеянно гладила его по волосам и думала о том, что ценностей у нее осталось очень мало – о доме над морем и мечтать нечего.

– А может, мы продадим этот дом? – вдруг с надеждой спросила она.

– Этот, гатчинский? Да кому он нужен? Кто сейчас может его купить? – тяжело вздохнул он, отлично понимая ход ее мыслей. – Не томи меня, скажи прямо, что у тебя еще осталось?

Она пошла в спальню и принесла деревянный ларец.

Золотой браслет... цепочка с крестиком... два кольца... часики... Он доставал из ларца, клал вещи на стол, принимался к ним и прикидывал, хватит ли ему этого для расчета с чухонцем, который переведет его через финскую границу.

– Да, небогато, – сказал он печально.

– Мне же есть нечего было... я меняла на провизию... – потерянно сказала она.

– Да разве я могу тебя укорять? – воскликнул он и, сложив вещи в ларец, сказал: – Но я надежды не теряю, теперь золото в такой цене, с ума можно сойти. Утро вечера мудренее. Я завтра встречусь с хозяином дома. Знаешь что, я предложу ему еще и этот твой дом. Идея!

– Боже мой, милый, неужели что-нибудь выйдет? – шепотом спросила она.

– Чем черт не шутит, когда бог спит, – рассмеялся Дружиловский...

Он дождался, когда Кира Николаевна наконец уснула, распахнул по карманам драгоценности и, оставив ей записку, что уезжает в Петроград оформлять сделку, покинул дом генерала Гарднера.

Из заявления К.Н. Гарднер в гатчинскую милицию:

«...Прождав после этого 10 дней, я поняла, что случилось несчастье – он стал жертвой грабителей или что-нибудь еще. Перечисленные золотые вещи являлись моими семейными ценностями и моим единственным средством пропитания, так как на них я выменивала продукты для личного употребления.

Ваше подозрение, будто он сам похитил их и бежал, я отвергаю с возмущением, так как между нами была любовь и обоюдная мечта жить вместе в согласии и счастье...»

Глава третья

Проводник – молчаливый длинноногий чухонец – шагал легко, размашисто, и Дружиловскому приходилось частить шаг, почти бежать. Он уже испытывал ненависть к маячившему перед ним и все норовившему уйти от него белобрысому, коротко подстриженному затылку чухонца, злился все больше и больше, но отставать было нельзя.

Долго шли они по еловому лесу, казалось, росшему из камней. Огромные позеленевшие валуны приходилось обходить, это сильно удлиняло путь, и Дружиловский выбивался из сил.

Но вот лес стал редеть, и им открылась болотистая равнина, вдали на зеленых холмах виднелись домики непривычного темно-красного цвета. Чухонец остановился.

– Туда... Вас ждут, – сказал он, кивнув на дома.

Оказывается, граница была уже позади. Дружиловский остановился, тяжело вздохнул и хотел спросить проводника, сколько еще до тех красных домов, но, когда обернулся, того уже не было рядом – он быстро шагал к лесу, из которого они только что выбрались.

Из кустов вышел финский пограничник, он словно ждал, пока проводник уйдет. Равнодушно глядя на Дружиловского, он карабином показал, куда идти, и пошел позади, насвистывая заунывную мелодию.

В самом большом красном доме, над которым развевался финский флаг, Дружиловского обыскали.

Майор финской контрразведки – рослый, с бесстрастным смуглым лицом, с небольшим шрамом на щеке – предложил ему сесть и долго смотрел на него без всякого выражения. Дружиловский уже собрался начать свою приготовленную исповедь, но в это время майор сказал:

– Вот что рекомендую вам учесть... Я русский, так что сочинять благочестивые сказки бессмысленно. Отвечайте на мои вопросы коротко и конкретно.

– Мне ничего сочинять не надо, – обиженно ответил он, вытирая о брюки вспотевшие ладони. – А то, что вы русский, меня только радует.

– Сомневаюсь, – буркнул майор.

Он пододвинул к себе бумагу, спросил и записал необходимые формальные данные и начал допрос:

– Что задержались? Что делали два года у большевиков?

– Сидел в тюрьме.

– В какой?

– Сперва в ЧК, потом в Бутырской.

– За что?

– Я участник тайной контрреволюционной организации англичанина Локкарта.

Эту версию Дружиловский придумал, когда еще готовился к переходу границы, он понимал, что спекуляция спиртом там «не потянет». Однако на майора его признание не произвело никакого впечатления.

– Ваша роль в организации?

– Связной.

– Неглупо.

– Я вас не понял.

– Сейчас поймете. Насколько вы были посвящены в дела организации?

– Очень мало, связной есть связной.

– Ну естественно, – согласился майор, но Дружиловский в его согласии уловил ироническую нотку. – Сколько вы сидели?

– Шесть месяцев.

– Только и всего? А затем?

– Бежал.

– Как это вам удалось?

– Освободили группу анархистов, а один из них за золотой портсигар остался за меня в тюрьме.

– Есть еще в России благородные люди, – не то серьезно, не то насмешливо сказал майор.

В прошлом работник царской охраны, теперь майор верой и правдой служил своим новым хозяевам, спасшим его от революции и от бездомной жизни эмигранта. Это, впрочем, не мешало ему получать свою долю от проводников через границу. Кто только не попадался здесь в его руки: и князья-самозванцы, и лжеархимандриты, и даже незаконнорожденный сын императора. Он хорошо знал российскую жизнь, и это помогало ему разоблачать обман. Он быстро понял, что Дружиловский – мелкая сошка, и еще в самом начале допроса решил, что Финляндии он не нужен. Майор имел строгую инструкцию принимать только нужных и стоящих людей. Финны полагали, что к ним, в их трудовую страну, сразу после революции про-
рвалось достаточно бесполезного люда, не считая вот таких, как Дружиловский, сочинителей фантастических биографий.

– Когда вы бежали из тюрьмы?

– В августе прошлого года.

– Чем занимались до перехода границы?

– Готовился к нему.

– На что жили?

– Резервы.

– За переход границы, как я понимаю, платили золотом?

– Как уж заведено.

– Портсигар – анархисту, золото – проводнику... вы были состоятельным человеком?

Что-нибудь еще осталось?

– Последнее отдал проводнику.

– Вас судили?

– Да.

– Какой приговор?

– Учитывая мою второстепенную роль в организации – десять лет.

– Интересно, это какая статья их законов?

– Точно не помню.

– Обычно осужденные помнят это лучше собственного имени.

– Нервы.

– Понимаю. – Майор решил завершить допрос. – Чем вы собираетесь заниматься?

– Мстить.

– Похвально, и мы вам поможем. Мы отправим вас в русскую армию генерала Юденича, нацеленную на Петроград. Месть с оружием в руках – грозная месть. Я завидую вам.

– Я хотел бы... я же не только офицер... я занимаюсь политикой... мне нужно попасть в Париж...

– Зачем? При ваших убеждениях главная политика – свернуть шею большевикам, а этим сейчас занимается Юденич.

– У меня есть важнейшее сообщение для высокопоставленных русских лиц. Они в Париже.

– Ну что ж, генерал Юденич найдет наилучший способ связать вас с этими лицами, да он и сам достаточно высокопоставленное лицо.

– Позволю себе заметить, что вы поступаете неправильно.

– Я поступаю, как подсказывает мне моя совесть русского офицера, знающего, где сейчас главный фронт борьбы с большевиками, которым вы хотите мстить...

Рано утром его отвезли в приморский финский город Котку, посадили на пароход, который вскоре отчалил и взял курс на Ревель.

Финский зеленый берег остался за кормой и быстро удалялся, превращаясь в темную полосу на горизонте.

Дружиловский метался по палубе, не находя себе места от бессильной ярости.

С серого неба посыпался мелкий дождь, море взбугрили волны, и маленький пароход стало качать. Дружиловского скосила морская болезнь, и почти весь путь он провел в гальюне.

Потом, когда у него появится дневник, он запишет в нем: «Финны гады – обожрались, видать, нашим братом офицером, подавай им не ниже генерала. Но самое гнусное, что в оценщики они наняли нашего же русского, и эта сволочь старается как может. Но и в Ревеле меня не ждало ничего хорошего, во всяком случае, на первых порах...»

Эстонские полицейские записали его фамилию в книгу и объяснили, как пройти в штаб Юденича. В штабе его внесли в какой-то список и предложили явиться завтра. Он не решился заявить о своих заслугах в заговоре Локкарта и о том, что ему надо связаться с самим Юденичем. Спросил только, где ему жить, и получил ответ, что здесь это не проблема. Он отыскал ювелирный магазин и продал последнюю ценность – колечко генеральши. Заплатили неплохо, и он действительно сразу снял комнату в частном пансионе.

На другой день в штабе Юденича он узнал, что причислен к авиационному отделу пока без должности, получил аванс в счет жалованья и обмундирование – английский френч, брюки-бриджи, сапоги и погоны подпоручика русской армии.

Делать ему было нечего, и он болтался по Ревелю – благополучному, чистенькому, наполненному медовым запахом цветущих лип. Встретил знакомого поручика – в Питере играли часто в карты. Они посидели в парке, поговорили о житье-бытье. Поручик работал здесь в военной комендатуре на вокзале. Ничего обнадеживающего он не рассказал.

– Припеваючи живут лишь те, кто состоит при штабе, – ядовито рассказывал поручик. – У этих и оклады высокие, и сами себе короли. Остальные ловчат как могут, чтобы не угодить на фронт. Там-то, кроме пули, ничего не получишь...

По вечерам ревельские рестораны были забиты русскими офицерами, сановными господами благородных кровей, биржевыми спекулянтами, шулерами, бывшими помещиками и фабрикантами. Из петербургских кабаков переселились сюда певички и куплетисты. В табачном пьяном чаду, под цыганские рыдания шел бесконечный разговор о грядущем спасении России, о том, кто под звон колоколов въедет в Питер на белом коне и кто из монаршей фамилии взойдет на престол, а пока здесь покупалось и продавалось все.

Первое, что сумел продать Дружиловский, были его рассказы о пережитых им ужасах в застенках ЧК. Их купил редактор русской газеты Ляхницкий, с которым он быстро сошелся. Пережитое на самом деле помогло ему придать своей брехне вид правдоподобия. Он глухо намекал, что был схвачен чекистами как имевший некое отношение к контрреволюционному заговору Локкарта. Какое именно, он не раскрывал, многозначительно объясняя, что пока сделать этого не может, чтобы не поставить под удар своих сообщников, оставшихся там, в России. Особенно красочно он описал свой побег из тюрьмы с помощью анархиста.

«Воспоминания» имели успех, и в ревельских кабаках Дружиловский стал приметной личностью. Какие-то помятые типы подходили к нему чокаться за благородство анархистов.

Вскоре он познакомился с комендантом штаба Юденича полковником Несвижевым, и в его жизни произошли большие перемены. По совету полковника он женился на бывшей певице из петроградской оперетки Юле Юрьевой, а при его содействии получил в штабе должность адъютанта командующего авиацией.

Юрьева с шумным успехом выступала в самом дорогом ресторане Ревеля, очень неплохо зарабатывала и была обольстительна. Она была гораздо старше его, но он никогда не имел дела с такими роскошными женщинами и, сидя с ней рядом, думал, что для него начинается совер-

шенно новая жизнь. Он даже готов был благодарить того русского майора, который вышвырнул его из Финляндии в это благословенное место – вот уж воистину, никогда не знаешь, где выиграешь, где проиграешь.

Свадьба была сыграна без попа и чиновников, в ресторане. Гостей было не меньше полусотни. Дружиловский сидел во главе стола, слева от Юлы, а справа как посаженный отец невесты сидел полковник Несвижев. Поначалу Дружиловскому не нравилось, что полковник, пользуясь своим свадебным званием, поминутно лобызал его невесту и называл ее «моя певчая птичка», но, выпив, он перестал это замечать и даже гордился, что могущественный комендант штаба называет его Серженькой.

Перед рассветом, провожаемые пьяными воплями гостей, молодые направились домой...

В эту же первую брачную ночь Юла призналась ему, что полковник Несвижев является ее, как она выразилась, сердечным другом.

– С этим, котик мой, тебе придется примириться, – весело говорила она, заплетая пышную темную косу. – Но должна тебе сказать, что ты нравишься мне больше, и, насколько я понимаю, полковник сам передал меня тебе. А нам обоим он может еще пригодиться. Я не собираюсь закончить жизнь в этой дыре, мы с тобой удерем отсюда в Англию, есть у меня там друзья с высоким положением. Если хочешь знать, я была в Питере знакома с самым английским консулом и даже оказывала ему услуги.

Командующим авиацией оказался дряхлый генерал, страдавший подагрой. Он не мог подняться из кресла без посторонней помощи. К службе генерал относился как к некоему досадному осложнению болезни, с которым ему приходилось считаться, а мечтал лишь об одном – добраться до Болгарии, где его брат – полковник – служил в свите двора, имел поместье, подаренное болгарским царем. Он собирался разводить цветы и кроликов в поместье брата. Дружиловский быстро освоился и вошел в роль преданного слуги. Утром он делал генералу массаж, помогал одеваться, вечером стаскивал с него сапоги, кипятил воду для согревания генеральских ног, снова делал массаж и укладывал его в постель с подогретыми простынями.

– Мало кто понимает, – говорил ему генерал, – что кролики с их чудовищной размножаемостью – это провиант будущего. А здесь, сынок, мы приставлены с тобой к русской авиации, которой, между нами говоря, на самом деле нет.

Дружиловский поддакивал и благодарил бога, пославшего ему этого старенького больного генерала. Перспектива попасть на фронт по-прежнему была для него невыносимо страшной. Он прекрасно знал, что дела Юденича под Питером плохи – начатое им второе наступление захлебнулось, как и первое, а Красная Армия готовилась к контрнаступлению. Об этом говорили на всех этажах штаба.

Но в жизни Дружиловского всегда так бывало – только ему покажется, что он на коне, непременно стрясется какая-нибудь беда. Так произошло и теперь. Поздно вечером, когда он уже собирался покинуть своего мирно сопевшего генерала и направиться в ресторан, где выступала Юла, позвонили из штаба и приказали немедленно явиться в военную контрразведку.

Что только не передумал он, пока дошел до этого невзрачного дома в узком переулке, про который говорили, что туда легко только войти. Контрразведчики Юденича славились своей беспощадностью.

В сопровождении солдата Дружиловский поднялся на второй этаж. Несмотря на поздний час, работа здесь кипела вовсю – из-за дверей слышались голоса, по коридору то и дело из двери в дверь пробегали с бумагами в руках озабоченные офицеры.

В указанном кабинете он увидел за столом штабс-капитана Ушинского, и на душе сразу полегчало. Они были хорошо знакомы по Питеру, где вместе волочились за одной милой курсисточкой. Начало разговора не предвещало ничего страшного – они не без грусти вспомнили

то золотое времечко, общих знакомых, Зиночку Снегиреву, шутили, вздыхали, но наступила минута, когда Ушинский спросил:

– А что же вас задержало в России? – Его маленькие глазки, казалось, кольнули Дружиловского.

– Меня задержала женщина, – начал он с поникшей головой: урок, полученный у русского майора в Финляндии, не пропал даром. – Я любил ее, мы хотели бежать вместе, но она тяжело заболела... Целый год я пытался ее спасти... Она умерла... И только тогда я начал готовить свой побег... теперь это сделать не так легко, как было раньше.

– Ну что же, вы вели себя как подобает русскому офицеру, – небрежно похвалил его Ушинский и вдруг сказал официально, очень серьезно: – Мы рассчитываем на вашу помощь. О вашем согласии не спрашиваю – оно подразумевается само собой. Вам предстоит выполнить очень важное поручение самого генерала Глазенапа. Не пугайтесь, пожалуйста, оно несложное. С завтрашнего дня у нас новый командующий авиацией. Полковник Степин. Вы его знаете?

– Видел здесь... – потерянно ответил он. – А что случилось с генералом?

– Забудьте об этой старой калоше. – Ушинский заговорил решительно, быстро. – Пора наводить порядок в армии. Черт знает, до чего дело дошло. Генерал Юденич уже давно отдал приказ производить бомбометание по Питеру, а этот старый хрен пальцем не шевельнул, чтобы выполнить приказ, и заявил, что для этого нет необходимой техники. А новый командующий говорит – техника есть. И готов выполнить приказ. Надо срочно установить, не болтовня ли это с целью успокоить командующего. И еще. Ваша задача – извещать нас о каждом шаге нового патрона, буквально о каждом. Насколько мне известно, завтра вы с ним уезжаете в Гатчину.

У Дружиловского непроизвольно приподнялась, подрагивая, верхняя губа, а глаза испуганно замерли.

– В чем дело? – спросил Ушинский, подняв подбритые брови.

– Я ведь бежал именно оттуда, из Гатчины... и опять оказаться там...

– Лирика, – сказал Ушинский. – Связь с вами буду держать я.

Утром он представился новому командующему авиацией полковнику Степину, а днем на автомобиле они выехали на фронт. Сидя рядом с полковником в автомобиле, Дружиловский пытался заговорить с ним, прощупать, что он за человек, но тот, несколько раз односложно отговорившись, не ответил толком даже на его вопрос: далеко ли им предстоит ехать?

Ехали несколько часов по разбитой дороге вдоль моря и остановились уже в русском селе Никольском. Здесь в здании школы был размещен какой-то оперативный штаб Юденича. Просторный дом священника занимала контрразведка, штабные офицеры шепотом говорили, что там лютует сам генерал Глазенап. Дружиловскому рассказали под большим секретом, что не далее как сегодня утром генерал Глазенап у себя в кабинете застрелил одного полковника только за то, что тот высказал сомнение в победе Юденича.

Толкаясь среди штабников, Дружиловский быстро выяснил обстановку и узнал, что Гатчина уже в руках красных и что вообще дела на фронте швах.

А вечером его потребовали к генералу Глазенапу. С этой минуты его парализовал страх, живой осталась только капелька мозга, в которой билась одна-единственная мысль: как спастись? Но когда он увидел генерала, замерла и эта капелька: спасения не было.

– Мне доложили, что вы воспитанник Гатчинской авиашколы, – начал генерал грубым, рыкающим голосом – непонятно, откуда брался такой голос в тощем теле генерала, в длинной и тонкой его шее с костлявым кадыком, выпрыгивавшим из воротника кителя. Но самыми впечатляющими были его глаза – выпуклые, черные, казалось, без зрачков и неморгающие. Уставившись на Дружиловского, он спросил: – Совесть офицера еще не пропили в ревельских кабаках? Молчите? Уже хорошо... Вы должны знать гатчинский аэродром. Приказываю – завтра ночью поджечь там главный ангар с самолетами...

– Как же его поджечь? Он же из камня и железа? – пробормотал Дружиловский.

– У вас будет бензин, и все сгорит дотла, можете не сомневаться, – рыкнул генерал.

– Бензина нужно много, – безнадежно сказал Дружиловский, сделав нелепый жест обеими руками, будто хотел взвесить что-то на ладонях.

– В вашем распоряжении будет отряд вольноопределяющихся, храбрых и преданных юношей, каждый возьмет по банке бензина – вполне хватит. За неисполнение приказа военно-полевой суд...

Когда Дружиловский вышел из кабинета генерала, у него мелькнула мысль – бежать, спрятаться. Но куда? В Ревеле найдут. Просить снова жену и ее друга, главного коменданта штаба? Да он, когда узнает, что тут пахнет контрразведкой, пальцем не пошевелит. Нет, видать, от судьбы не уйдешь.

Их высадили из грузовика примерно в версте от аэродрома. Отряд вольноопределяющихся состоял из шести слабосильных мальчишек в длинных шинелях. Банки с бензином они волокли по земле, задыхаясь от напряжения. Артиллерия красных была совсем близко, снаряды со свистом пролетали над их головами и разрывались где-то далеко-далеко позади. Создавалось впечатление, что красные уже зашли с тыла.

Они добрались наконец до назначенного места и затаились в кустах у проволочного заграждения. Стояла темная осенняя ночь. Только на востоке шаткое зарево большого пожара шевелило черное небо. Дружиловский действовал как под гипнозом, его не оставляла мысль – бежать, бежать...

– У кого ножницы? – шепотом спросил он.

– Здесь.

– Режь проход прямо перед собой!

Несколько раз лязгнули ножницы.

– Проход готов, – доложил сиплый мальчишеский голос.

Дружиловский приказал развести обрезанные концы колючки, взял две банки бензина и направился прямо к ангару, знакомый силуэт которого вырисовывался вдали. Он знал, что отсюда до ангара было шагов триста.

Он стал считать шаги, это помогало собраться, побороть страх. Стало жарко, банки с бензином оттягивали руки, а земля под ногами была неровная: ямки, бугорки, заросли цепкого репейника. Он насчитал уже сто пятьдесят шесть шагов, когда нога его провалилась куда-то, и он упал в неглубокую яму, больно ударившись головой о железную банку. Он еще матерился, лежа на дне ямы в колючем репейнике, как ему в голову пришла спасительная идея.

Это же так просто! Он поднял вверх банки и вылез сам. Тело было легким, упругим, и он знал, что теперь делать. Быстро отвинтив крышки, он вылил бензин в яму и побежал за другими банками. Пришлось бежать самому три раза туда и обратно, чтобы перенести все банки, но свидетелей быть не должно. Опорожнив в яму последнюю банку, завернул в паклю камень. Отошел от ямы на несколько шагов, поджег паклю, бросил камень в яму и побежал, делая огромные прыжки. Пламя рванулось к небу, заревело, закрутилось в жгут, метнулось по ветру огненным хвостом. Возле ангара раздались одиночные выстрелы, и над головой Дружиловского просвистели пули. Он упал, выждал, потом вскочил и снова побежал.

Вольноопределяющиеся за колючкой округлившимися глазами смотрели на бушевавшее пламя, они слышали свист пуль и не знали, что делать, но подпоручик виделся им бесстрашным героем.

Тяжело дыша, огромными прыжками Дружиловский подбежал к ним:

– Быстро за мной! – прошипел он, и все помчались к лесу, где ждал грузовик...

Когда они вернулись в Никольское, там уже не было ни штаба, ни полковника Степина, ни генерала Глазенапа – все уехали в Ревель. Лихих воспоминаний вольноопределяющихся об этой «славной ночи» никто не слушал. Никому не был нужен и Дружиловский. Командующего авиацией он разыскал в Ревеле и узнал, что полковник в адъютанте больше не нуждается.

И снова, как всегда, только чуть повезло, сразу беда... Именно в эти дни от красных к Юденичу перебежал летчик, поручик Старовойтов. На допросе он рассказал о фиктивном поджоге ангара в Гатчине. Немедленно был подписан приказ – предать Дружиловского военно-полевому суду. Ему запретили вход в главный штаб, лишили жалованья, но судить не спешили. Полковник Несвижев обещал Юле замять дело, но недавнего ощущения благополучия как не бывало... Почти все вечера подпоручик с женой проводили в ресторанах за бесконечными разговорами о том, как и кто нажился в эмиграции. Баснословные истории о разграблении воинской кассы Юденича он слушал, сатанея от ярости, – и эти казнокрады собирались его судить!

Однажды ночью, вернувшись домой сильно выпивший, взвинченный, он до рассвета просидел за письменным столом и написал фельетон, обличавший штабную камарилью. Он спрашивал, например, у генерала Штамберга, куда тот дел 50 тысяч английских фунтов, которые получил для закупки самолетов? Генерал, как известно, поехал в Англию за аэропланами, но почему-то оттуда не вернулся... и самолетов нет... Писал он, что называется, кровью сердца, писал как защитительную речь на своем несостоявшемся процессе и как бы подсказывал, кого надо судить вместо него.

В это время в Ревель прибыл из Белоруссии штаб разгромленной Красной Армией банды братьев Булак-Балаховичей. У них была своя маленькая газетка «Жизнь», которая охотно напечатала фельетон Дружиловского – у братьев Балаховичей были свои счета со штабом Юденича.

Фельетона, однако, никто не заметил, потому что в этот же день в других газетах был напечатан прощальный приказ Юденича: «Солдаты и офицеры моих войск свято выполнили свой долг и сделали все, что могли, для спасения отечества от поругания большевиков. Но, значит, воля божья, чтобы мы проиграли это кровопролитие...»

В воскресенье главный комендант штаба Несвижев, как всегда, обедал у Дружиловских – кухарка-эстонка постаралась на славу. Полковник принес французский коньяк. Слушали граммофон – цыганские романсы в исполнении Вари Паниной, а под конец Юла тряхнула стариной и спела для своего друга арию из «Сильвы». Вне себя от восторга, полковник подбежал к ней и поцеловал в губы.

– Наша дружба с Юлой чиста и свята, – объяснил он подпоручику и, прощаясь, еще несколько раз поцеловал Юлу.

Утром главного коменданта уже не было в Ревеле. Опустело все здание штаба. Дружиловский встретил на улице контрразведчика Ушинского, тот был в штатском. Узнав, что подпоручик ищет полковника Несвижева, контрразведчик рассмеялся.

– Ваш родственник со стороны жены сегодня ночью с остатком штаба выехал, насколько мне известно, в Париж. Так что, если вы решили, наконец, вызвать его на дуэль, то опоздали.

– А вы чего же... задержались? – спросил подпоручик ледяным голосом.

– Мне в Париже делать нечего, по моему рангу Ревель – лучшее место.

Дружиловский зашел к редактору русской газеты Ляхницкому, и тот посоветовал ему остаться в Эстонии.

– Кроме всего прочего, в Париже вас за ваш фельетон съедят с костями, – сказал он.

Дружиловский поплелся домой.

Юла, убитая вероломством Несвижева, слегла в постель, ее трясла лихорадка, она ничего не ела и в припадках истерии кричала, что не хочет жить.

Дружиловский очень хотел жить. Он только не знал как.

Известный политический деятель царской России Милюков в своей выходившей в Париже эмигрантской газете «Последние новости» по случаю пятилетия Октябрьской революции напечатал статью о положении и надеждах русской эмиграции. В этой статье интересно признание, что, к несчастью для эмиграции, в ее среде оказалось великое множество всяче-

ских авантюристов – крупных и мелких. Просто непостижимо, говорилось в статье, почему эти отбросы нашего многострадального общества покинули Россию? Разве не было им безразлично, где заниматься своими сомнительными делами, зачем им понадобилось обжитую петроградскую Лиговку поменять на чужестранные Елисейские поля?

Милюков не был глупым человеком, но понять закономерность этого явления не смог.

Говорит на эту тему в своих записках и довольно популярный в дореволюционной России журналист Александр Яблоновский. Он встретил в Париже знакомого по Киеву мелкого ростовщика, высказавшего ему свои суждения о судьбе русских эмигрантов. «Вы и здесь бедствуете потому же, почему у вас не было денег и дома, – сказал тот. – И там и здесь деньги текут к тем, кто знает, что, если не прижмешь ближнего, сам наверх не выплывешь». Яблоновский спросил, почему же его собеседник уехал из России. Ростовщик ответил: «Батенька мой, там же большевики всех ближних взяли под свою охрану, а тех, кто их прижимал, – к стенке. А во Франции большевиков, господи спаси, нету, и тут воздух для нашего брата вполне привычный...»

Ростовщик, как мы видим, высказался яснее Милюкова...

Вот что об этом же сказал бывший русский публицист Петр Пильский, с которым автору этих строк привелось встретиться в 1940 году в Риге, где Пильский сотрудничал в эмигрантской, злобной антисоветской газете «Сегодня». Я прочитал его статьи, хлестко, а иногда и талантливо написанные, которые, однако, нельзя было назвать иначе, как гнусной брехней. Наш разговор начался с заявления Пильского, что искать правду в его статьях бессмысленно. Автор сказал ему: «Вы же были довольно известным русским публицистом, были знакомы с Буниним, Куприным и другими русскими писателями, относили себя к цвету русской интеллигенции, неужели вам не стыдно за собственное многолетнее вранье?» Он долго молчал и потом ответил: «Стыдно или не стыдно, это уже не имело никакого значения. То, что я делал, было единственным товаром, который я мог здесь продать. Когда я бежал из России в Румынию, я еще в пути знал, что попаду в мир, где смогу торговать только этим товаром. И я убедился в этом в первые же дни эмиграции, когда румынский генеральный штаб купил у меня дислокацию частей Красной Армии, которую я высосал из пальца, сидя в номере бухарестской гостиницы. А то, что я принадлежал, как вы говорите, к цвету русской интеллигенции, что я был дружен с известными русскими писателями, и, наконец, то, что я умел писать, мой товар несколько повышало в цене... И это не только моя судьба. Все так называемые мыслящие люди России, желавшие в эмиграции сохранить „возвышенные принципы“, должны были погибнуть в нищете или жить, продавая свою совесть богатому Западу. И эту куплю-продажу тем легче было совершить, что на вывеске лавки значились слова о спасении России от большевиков. Отвратительно только то, что этим промыслом занимается и всякая шваль, у которой нет и никогда не было ни принципов, ни идеалов... Я сознательно стал профессиональным изготовителем товара, в котором нуждался западный газетный рынок. Дороги назад для меня нет. Но, слава богу, остался неизменным благословенный Запад. Прибалтика этим Западом теперь быть перестала, и, вероятно, придется мне, если ЧК меня не схватит, перебираться туда, где еще есть мой рынок...»

Его не схватили, он пробедствовал в Риге до начала войны и вскоре умер. Гитлеровцы в некрологе о нем написали: «Это был известный русский журналист антибольшевистского направления, и только смерть помешала ему стать пропагандистом идей великой Германии и нового порядка в любимой им России».

Глава четвертая

Темно. Гардины в спальне, как всегда, наглухо задернуты – Юла после ночной работы спит до полудня. Дружиловский осторожно встал и прошел в столовую. Осенний день только-только занимался, часы показывали семь. За окном – безлюдная серая и мокрая улица, темное небо, ветер хлещет по окнам мелким дождем. Он невольно вспомнил прочитанное накануне в русской газете эссе Ляхницкого «Осень» про то, что серой пеленой затянуло все: и небо, и землю, и перспективу для русских эмигрантов: куда нам идти, в самом деле?..

Куда идти, что делать, не знал и он. Поступить как князь Курбатов, который стал продавцом в богатом конфекционе? Заметку об этом эмигрантская газета озаглавила «Начало новой жизни». Ляхницкий объяснил: «Мы обязаны поддерживать у русских дух надежды». Избави бог от таких надежд!.. Нет, это не для него! Надо найти дело чистое, самостоятельное, денежное, с солидным положением в обществе. И он найдет!

Пока все его начинания оканчивались пшиком, прямо рок какой-то! Только что пережил, может быть, самую тяжелую из своих катастроф. Он начал издание книжек о похождениях знаменитых сыщиков Ната Пинкертона и Ника Картера на русском языке. План был настолько хорош, что даже Ляхницкий вошел в дело и дал займы денег. У Юлы просить не хотелось, хватит с него ежедневных унижений, когда приходится брать у нее мелочь на карманные расходы и выслушивать дурацкие шуточки: «Сутенерчик ты мой хороший, не все у меня отбираешь». Просто страшно, как она не понимает, чем творится у него на душе.

Два месяца с утра до позднего вечера он мотался с этим издательским делом. Надо было найти дешевого переводчика с английского – он нашел. Бедствующая учительница сделала хороший перевод. Нужно было найти типографию, где взялись бы печатать книжки с последующей оплатой, – в этом помог Ляхницкий, уговорил хозяина типографии, где печаталась его газета. Нужно было достать бумагу в кредит, заказать художникам рисунки обложек, подготовить рекламу, выхлопотать разрешение на издание, договориться с книготорговцами...

Но вот, наконец, вышла первая книжка, за ней вторая, третья – выпуски раскупались молниеносно, успех был явный, он уже собирался начать расплачиваться с кредиторами, но перед выходом четвертой книжки все рухнуло. В типографию явился судебный исполнитель и приостановил печатание, предъявив обвинение в нарушении закона о налоге и в неправильной регистрации предприятия. Перед кем он только ни гнулся, доказывая неумышленность своих ошибок, его и слушать не хотели.

Ляхницкий выяснил, что эту катастрофу организовал местный издатель, известный богач Вейлер. Он обнаружил на книжном рынке изделия неизвестно откуда взявшегося конкурента и устранил его.

– Прекратите пустые хлопоты, останетесь без штанов, – сказал Ляхницкий Дружиловскому. – А мне деньги вернете по частям...

Но он еще барахтался, надеялся на что-то... Вчера его вызвали в судебную палату, показали счета владельца типографии, поставщика бумаги и переводчицы, якобы обманутой им, и спросили, может ли он немедленно эти счета оплатить? Немедленно... Даже если бы на это дали срок, он не представлял себе, где взять деньги...

Почему невезение такое? За что? Куда идти теперь, что делать? От обиды ему не спится, проснулся вот ни свет ни заря...

Он пошел на кухню и сам приготовил себе завтрак – кухарка-эстонка приходила только к пробуждению Юлы. Потом оделся и, накинув пальто, пошел на улицу купить газеты.

Возвращаясь, он увидел перед своей дверью пастора и выругался про себя – не к добру, по примете. Высокий, с веселым румяным лицом, пастор смотрел на него, улыбаясь, и отряхивал мокрую черную сутану.

– О! Вы из эта квартира? – спросил он на плохом русском языке. – Может, вы господин Дражиловский?..

– Дружиловский, – хмуро поправил он священника.

– О да, ода... Я звони, звони, и никакой звук нет...

– Что вам угодно?

– Могу ли я видеть мадемуазель Юрьеву? Я ему старый друг.

– Она еще спит.

– Разрешите ждать... такой погода, бррр...

Он провел пастора в гостиную и разбудил Юлу.

– Который час? – спросила она, не открывая глаз.

– Скоро девять.

– Ты с ума спятил!

– К тебе пришел какой-то поп.

Юла широко открыла глаза – сон как ветром сдуло. Она вскочила и начала торопливо одеваться:

– Иди займи его, я сейчас.

Она вышла в гостиную в черной юбке и белой блузке – сама скромность. Пастор встал ей навстречу с радостной улыбкой. Дружиловский наблюдал за ними подозрительно – казалось, они видят друг друга в первый раз в жизни.

– Сержик, оставь нас вдвоем, я тебя позову, – сказала Юла несколько смущенно.

Он привык не удивляться, не спрашивать – ушел в столовую, сел в кожаное кресло и развернул газету...

Примерно через час он услышал, как стукнула дверь на лестницу, и в столовую вышла сияющая Юла.

– Ну, Сержик, могу тебе сказать, на всей земле единственные приличные люди – англичане, – сказала она, подойдя к нему и держа одну руку за спиной.

Он отложил газету и молча глядел на нее с усмешкой.

– Ну что, что ты смотришь на меня как прокурор на вора? – Лицо у нее сразу стало злым.

– Что-то он очень долго отпускал тебе грехи. Их так много? – спросил он, глядя на нее снизу вверх и поглаживая усики.

– Дурак! – крикнула она с перекошенным злостью лицом и, вынув руку из-за спины, бросила на стол толстую пачку денег. – За свои многочисленные грехи ты не имеешь ни копейки, – добавила она и повернулась к нему спиной.

– О, за этот грех попы платят так много?

Юла повернулась и вlepила ему пощечину.

Дружиловский бросился вон из квартиры.

– Пальто, дурак, надень, простудишься! – крикнула она ему вслед.

Он быстро шагнул по улице, спускавшейся к порту, на мокрой мостовой ноги противно скользили, лицо хлестал влажный холодный ветер с моря, но злость не остывала. Хотя он уже понимал, что сердиться на жену было, в общем, не за что, да и невыгодно... Дождь резко усилился, он уже чувствовал на плечах влажный холод. Проезжавший мимо грузовик обдал грязью – а, будь все на свете проклято! Он повернул назад. Его бесило теперь подозрение, что Юла, очевидно, причастна к деятельности, о которой он и сам мечтал, почитывая свои любимые книжки про шпионов.

Весь день они не разговаривали, но вечером он пришел в ресторан и попросил у Юлы прощения. Она только что вернулась с эстрады в свою уборную, из зала еще доносились аплодисменты, и он знал, что в эти минуты у жены всегда хорошее настроение. Выслушав извинения, она потрепала его по щеке.

– Что с тебя, дурачка, спросишь? – сказала она, устало опускаясь в кресло.

Он молчал, рассматривая бесчисленные фотографии жены, которыми были увешаны все стены уборной.

– Садись, в ногах правды нет, – сказала она и, когда он присел на краешек кушетки, добавила: – Ляхницкий сказал мне, что он погорел с твоими дурацкими книжками про сыщиков. Долги большие?

– Не очень.

– Я дам тебе денег, и завтра же верни все Ляхницкому, мне не хочется, чтобы мы были у него в долгу.

Он встал, подошел к жене и приник к ее руке долгим поцелуем.

– Спасибо, Юлочка... меня самого этот долг мучил больше всего.

– Ладно, все забыто, – улыбнулась она. – Иди в зал, я закажу тебе ужин. Домой пойдем вместе.

Ляхницкий был у них в доме своим человеком, непременным участником их карточных вечеров. Это был веселый компанейский мужчина лет сорока, немного тучный, но очень подвижный. Его крепкое, гладкое лицо всегда излучало веселую доброжелательность. С ним было легко и весело, он всегда был начинен анекдотами и новостями. Судя по всему, больших денег у него не было, газета его, рассказывали, не приносила почти никакого дохода, но он не унывал и, как истый поляк, любил жить вкусно, с форсом.

Когда Дружиловский вернул ему долг, Ляхницкий вроде даже обиделся.

– К чему такая спешка? – спросил он, огорченно глядя на Дружиловского черными маслеными глазками. – Я у вас в большом долгу за то, что имею счастье часто видеть вашу красоту Юлочку. – Он уже давно с чисто польской пылкостью и красноречием изображал безумную влюбленность в Юлу, грозил при случае застрелить ее мужа.

Ляхницкий знал все политические новости и охотно рассказывал друзьям и такое, о чем газеты не писали. Дружиловский заметил, что последнее время Юла слушает его особенно внимательно и, разыгрывая наивное любопытство, задает наводящие вопросы. Он догадывался теперь, зачем ей это нужно. Впрочем, слушая Ляхницкого, часто с ним встречаясь, выполняя его задания для газеты, имея возможность сопоставить некоторые факты, он все чаще подумывал, что их друг тоже не просто редактор.

В этот вечер он условился с Ляхницким встретиться в ресторане «Метрополь» и подждал его в баре. Редактор, как всегда, опаздывал, и Дружиловский очень злился – денег было разве что на рюмку коньяку, это мешало держаться независимо. А тут еще важный бармен в белоснежном смокинге, будто заглянув в его карман, сновал мимо него и व्यюном вился возле белобрысого юнца с перстнями чуть ли не на всех пальцах. Ничего так не угнетало, не выводило из себя, как отсутствие денег. После провала издательской затеи Юла посадила его на голодный паек, а гонорар в газете у Ляхницкого – копейки.

Но вот бармен наконец обратил на него внимание, учтиво поклонился, и пришлось заказать коньяк.

Дружиловский взял со стойки русскую газету и углубился в чтение объявлений... Русский офицер страстно желал соединить свою судьбу с судьбой хорошо обеспеченной вдовы... Молодая русская учительница, знающая французский и немецкий языки, хотела бы бескорыстно посвятить себя одинокому пожилому человеку... «Наймусь сторожем в солидное торговое дело с проживанием и столом...», «Русский с высшим политехническим образованием и довоенным опытом желает стать компаньоном в богатом хозяйстве, имеющем машины...»

Он отбросил газету, его всегда угнетали эти объявления – становилось тревожно и страшно за себя.

Ресторан начинал заполняться, в баре зажглись неяркие бра.

Наконец Ляхницкий взгромоздился на высокий стул рядом.

– Извините, пришлось переделывать первую полосу, – сказал он, шумно дыша. – Получили новое сообщение о предстоящей мирной конференции в Риге. Английское правительство хочет послать своих наблюдателей.

– Чертова политика, всем она мешает жить, – сказал Дружиловский.

– Ой не так, дорогуша, политика нас кормит, – мягко сказал Ляхницкий. Он посмотрел на часы, торопливо допил свой коктейль и легко соскочил со стула.

– Пойдемте-ка лучше в зал и поедим за счет той самой политики...

Они прошли в зал, мягко освещенный настольными лампами с зелеными абажурами, и сели за стол в уютной нише. Официант стал убирать лишние стулья, но Ляхницкий остановил его.

– Кого ждем? – спросил Дружиловский.

– Во-первых, не ждем ни минуты, я тоже голоден как волк, – засмеялся Ляхницкий. – А во-вторых, придет, если сможет, один мой приятель. Познакомьтесь. Человек очень полезный.

Ляхницкий стал заказывать обед. Он делал это обстоятельно, и было видно, что сама эта процедура доставляла ему удовольствие. Принимавший заказ кельнер – пожилой, очень важного вида – не только терпеливо выслушивал гурманские рассуждения редактора, но и почтительно в них участвовал. Наконец обед был заказан. Дружиловский немного обиделся, что его друг с ним не советовался и даже не спросил, чего он хочет. С этим, однако, надо мириться, когда в кармане у тебя пусто...

– Еда, друг мой, она, как политика, должна быть продуманной до последней детали, – смеялся, потирая крупные руки, Ляхницкий. – Учитесь, я на еде собаку съел!

Им подали холодную закуску и водку.

– А хорошую газету делать очень трудно, очень... – жаловался редактор, сдирая жирную шкурку с копченого угря. – Замкнутый круг: чтобы газету покупали, надо, чтобы в ней было что читать. А чтиво – это продукция пишущих, а пишущим нужно платить, и чем они лучше пишут, тем большие деньги хотят получать. Деньги же должен дать читатель, покупающий газету, – Ляхницкий вилок нарисовал в воздухе круг: – Кольцо замкнулось, и выскочить из него невозможно...

– Люди больше всего любят читать новости и всякие происшествия, – солидно сказал Дружиловский, ему нравился этот серьезный разговор под вкусную еду, хотелось быть на уровне.

– Но и за это, друг мой, тоже надо платить... – весело заметил Ляхницкий, намазывая масло на поджаренный хлеб.

Оркестр играл негромко, вокруг слышался тихий говор за другими столами, в этот час здесь обычно заканчивали свой день деловые люди.

– Если бы у меня были деньги, я бы открыл одно дельце, – вдруг решительно сказал Дружиловский.

– Если бы да кабы... – пробурчал, хрустя хлебом, Ляхницкий и, прожевав, спросил: – Вам удалось сделать то, что я просил? Это деньги для вас более реальные.

– Даже Юле не удалось.

– А она тут при чем? Неужели вы ее просили? – быстро спросил Ляхницкий, он даже перестал жевать и смотрел на приятеля злыми глазами.

– Ничего я у нее не просил, – ответил Дружиловский. – У нее, видите ли, возникла такая блажь – очень хочется познакомиться с кем-нибудь из красных земляков. Так у нее-то шансов больше, чем у меня, а ничего не получается.

Официант принес жаркое. Ляхницкий упоенно занялся едой. Официант приоткрывал мельхиоровые крышки, редактор с блаженным лицом принимался.

– Прекрасно. Именно то, что надо, – радостно приговаривал он, и лицо его снова было добродушно-веселым.

С жарким расправились в молчании.

– И все-таки, если бы у меня были деньги, я бы знал, как начать одно большое дело, – снова вернулся к своему Дружиловский.

– В миллионеры захотелось? Ну-ну... – покачал головой Ляхницкий, явно думая о чем-то другом.

– А вы послушайте, не отмахивайтесь. – Дружиловский наклонился к нему и продолжал, быстро оживляясь: – Вот вы гонитесь за тем, чтобы успеть втиснуть в номер хотя бы одно интересное и свежее сообщение. И все равно многое и очень интересное в завтрашнюю газету не попадет. А ведь можно к самому вечеру выпускать что-то вроде сводки интересных сообщений, только сообщений. Бюллетень сенсаций.

– Не хватит, – сказал редактор, ковыряя во рту зубочисткой.

– Чего «не хватит»?

– Сенсаций.

– Во-первых, бюллетень должен быть небольшим – две-три тетрадных странички, – все более увлеченно говорил Дружиловский, он видел, что редактор слушает его с интересом. – Во-вторых, если не хватит, можно кое-что и выдумать, да еще и с пользой для местных политиков. В обмен, так сказать, на льготы и прочее.

– Слушайте, Сергей Михайлович, а это действительно неплохая идея, – удивленно сказал Ляхницкий. Он наполнил рюмки коньяком. – Давайте-ка выпьем за нее и подумаем...

Они чокнулись.

– Меня если потрясти, я еще не то могу придумать, – подмигнул Дружиловский и опрокинул рюмку.

– Знаете что? – энергично произнес Ляхницкий. – Я завтра же иду к министру внутренних дел Хеллату. Если он даст лицензию и бумагу, мы начинаем большое дело.

– О каком деле речь? – послышался скрипучий голос, и за спиной Ляхницкого появился высокий мужчина лет сорока пяти, с косматыми бровями, черными остроконечными усами и массивным носом. На нем был дорогой пиджак из грубой шерсти, стоячий крахмальный воротничок, обхваченный черным галстуком с жемчужной булавкой.

– Наконец-то! – воскликнул Ляхницкий, показывая на свободный стул. – Прошу знакомиться. Пан Дружиловский, пан Богуславский...

Подбежавший метрдотель сам принимал заказ от нового гостя и называл его «пан полковник».

– На улице мразь, – скрипел Богуславский, зябко потирая красные руки. – Не то снег, не то дождь, не то черт знает что. А с моря ветер, с ног валит. Здешняя зима – это сплошное безобразие. Ну а что за дела вы тут обсуждали?

– Да так, шевеление воздуха, – весело и беспечно ответил Ляхницкий. – Пан Дружиловский фантазировал, как из рубля сделать сотню.

– Пан Дружиловский поляк? – вдруг спросил сердито полковник Богуславский, взглянув на подпоручика из-под косматых бровей. – Впрочем, по внешности вы мало похожи на поляка.

Дружиловский объяснил, что, кажется, прадед у него был поляк.

– Уж если польская кровь у кого есть, то, мало ее или много, значения не имеет, важно, что она есть, и тогда перед нами человек особого покроя, – сказал Богуславский. Из-за его скрипучего голоса казалось, что он все говорит сердито и раздраженно.

Разговор зашел об инициативе Москвы заключить мир с Прибалтийскими странами и о предстоящей в Риге мирной конференции этих стран... Дружиловский был не очень в курсе всей этой истории и знал только, что против прибывшей в Ревель советской делегации ведутся интриги.

– Суета сует, – сказал он важно.

Богуславский посмотрел на него удивленно из-под косматых бровей.

– К счастью, такой взгляд на историю не имеет успеха у государственных деятелей, – сказал он. – Может, вам захотелось сесть с большевиками за один стол и сыграть в покер?

Ляхницкий поспешил объяснить, что его приятелю приходится туго.

– Если человек хочет чего-то добиться, у него должен быть более твердый взгляд на современные дела, – сердито проворчал Богуславский, опустив массивный нос к тарелке.

– Моя ненависть к большевикам всегда со мной, – с достоинством сказал Дружиловский, понявший свою оплошность. Он заметил, что редактор одобрительно смотрит на него, и продолжал, заносчиво вскинув голову: – И никто не имеет права подозревать меня в желании мириться с ними. Однако, чтобы всецело думать о борьбе, я должен высвободить свою голову, не думать о средствах для существования.

Теперь редактор перевел беспокойный взгляд на жующего полковника, ожидая, что тот ответит.

– О да, ода. Я согласен, – миролюбиво проговорил полковник.

Как только было покончено с десертом, Ляхницкий сказал, обращаясь к полковнику:

– Я думаю, мы извиним моего друга, ему надо уйти...

– Какой может быть разговор, дело прежде всего, – под усами Богуславского шевельнулась благосклонная улыбка.

– Да, прошу извинить, – торопливо сказал Дружиловский и откланялся. Его выпроваживали как бедного родственника или надоевшего нахлебника! Как страстно хотел бы он сейчас небрежным жестом положить на стол крупную купюру. Но, эх!..

Ляхницкий проводил его до двери и, вернувшись к столу, спросил:

– Какое у вас впечатление?

Полковник расправил усы.

– Пригодится.

– Вполне, вполне.

– Хотя не из прочных... но изворотлив.

Наклонившись над столом, они заговорили тихо, без выражения, как люди одного дела, понимающие друг друга с полуслова.

– Он сказал, что его жена лезет к русским.

– Неудивительно. Вы уверены, что он не знает о ее английских связях?

– Уверен. Он говорил, что это у нее такая блажь – познакомиться с красными земляками.

Нет, нет, и она и англичане достаточно умны.

– Как она ест наши конфеты?

– Глотает.

– Подбросьте ей: поляки договариваются с французами тайно, за кулисами мирной конференции, выяснить возможности торговли с русскими. Может, тогда, наконец, в Лондоне стукнут кулаком по столу и обуздают прибалтов.

– Сделаю завтра.

– А его вербуйте.

– Он сейчас предложил стоящее дело – выпускать бюллетень сенсаций и использовать его для дезинформации.

– Смотри-ка – не ожидал. Будете выпускать вместе?

– Естественно.

– А для него это станет хорошей крышей. Надо все-таки вербовать и жену.

– Торопиться опасно... неглупа...

– Неужели англичане хорошо ей платят?

– Думаю – да. Они вернули мне долг, оплатили счет за бумагу. К ней нужен очень тонкий подход.

– У них любовь?

- Вряд ли... Я как раз об этом думаю.
- Думайте поскорее. Что говорит министр Хеллат?
- Все то же: деловой мир жмет на правительство, хотят торговать с русскими.
- Напечатайте-ка у себя статейку... нет, лучше фельетончик... как, скажем, глупые овечки решили дружить с голодным волком и что из этого вышло.
- Сделаю.

Вышколенный официант с давно подготовленным счетом не позволял себе даже показаться в зале – в этом ресторане деловым людям никогда не мешали. Оркестр стал играть чуть громче, но это только для того, чтобы гости знали, что уже вечер.

Глава пятая

«Бюллетень экстренных сообщений» поначалу имел успех. Обыватель рассудил просто: зачем покупать утром газету без самых последних новостей? Лучше вечером взять, да еще за полцены, бюллетень, полный сенсаций.

Деньги хлынули в руки издателей бюллетеня. Дружиловский снял для редакции помещение на одной из главных улиц Ревеля и даже завел секретаря. Пока бюллетень выходил только по-русски, но они уже распустили слух, что скоро начнется издание на эстонском языке. Впервые в жизни он был по-настоящему увлечен делом и считал, что вошел в мир политики, где все отмечено особой значительностью.

Ляхницкий оказался прав – сенсаций не хватало, и приходилось их сочинять, а это оказалось совсем не таким легким делом.

Возвращаясь ночью после работы в ресторане, Юла не раз заставляла мужа за письменным столом в густом табачном дыму. Отношения их последнее время стали получше.

Теперь он всячески подчеркивал свою самостоятельность и причастность к важным делам политики. Юла делала вид, что не замечает этого, и даже сама подогревала его честолюбие. Теперь она и от него получала полезную информацию, во всяком случае, могла регулярно сообщать своему пастору, что в бюллетене, который делал ее муж, правда, а что его выдумки.

В эту ночь Юла вернулась, как всегда, около трех часов. Он сидел за столом, на котором были разбросаны листы исписанной бумаги, и даже не услышал, как она вошла.

Юла подкралась и обняла его:

– Ах ты мой писатель-бумагомаратель, ты же умрешь от такой работы!

– Да, чирикать перед ресторанными завсегдатаями значительно легче, – ответил он, целуя ее руки. – Я не могу каждый день петь один и тот же романс.

– Ну что же ты намарал за целую ночь? – нежно спросила она, вороша рукой его волосы.

– Все очень сложно, – с усталой важностью ответил он. – Обстановка меняется каждый день, и надо поспевать. Послушай, если охота.

Юла присела на подлокотник кресла. Он взял со стола исписанный лист.

– Ну вот, к примеру. Слушай: «Париж. Агентство „Гавас“, ссылаясь на авторитетные источники, сообщает: красный Кремль приступает к чудовищной операции против Европы. Первый ее этап – Прибалтийские государства. Советы добиваются заключения мирного договора, чтобы иметь возможность официально расположиться в этих трех государствах и отсюда начать готовить красное наступление на Европу». Поняла? – спросил он, бросив лист на стол.

– Любой дурак поймет, а вот поверит ли?

– Поверит, – убежденно ответил он. – Газетный опыт говорит, если раз, другой, третий бить в одну точку, обыватель поверит во что угодно. Вот, к примеру, мой удар номер два... – Он взял со стола другой лист и прочитал: – «Из Риги нам сообщают: за последнее время усилилось проникновение в Латвию через границу советских тайных эмиссаров. Они доставляют в заранее приготовленные места оружие, коммунистическую литературу, листовки и типографские шрифты». Чувствуешь, какой заход с другой стороны? А вот что на закусочку. Слушай: «Компетентные английские круги с тревогой наблюдают активные происки красных Советов в прибалтийском крае. Тайные агенты Кремля действуют в Риге, Каунасе и Ревеле. Их главная цель ясна – устройство революции, экспроприация собственности, то есть все то, что столкнуло несчастную Россию в бездну небывалых бедствий».

– И ты все это придумал сам? – удивилась Юла.

– Черт подсказывал, – рассмеялся он.

– Ну, раз дело дошло до чертей, надо кончать, – поднялась Юла и погасила настольную лампу: – Спать! Не добивайся, чтобы я начала ревновать тебя к мадам Политике. Пошли...

Ляхницкий быстро понял, что на таких сенсациях они долго не продержатся, пытался говорить об этом с компаньоном, да куда там, тот и слушать не хотел... Эстонский министр внутренних дел Хеллат, который был давним агентом польской разведки и сильно помог рождению бюллетеня, тоже начал высказывать опасения, что сенсации бюллетеня могут возбудить у обывателя мысль о бессилии властей: ведь получается, что большевистские агенты бесцеремонно действуют в стране.

Ляхницкий не знал, что предпринять, тем более что бюллетень был выгодным делом и для него. Он мог бы доложить о своих сомнениях шефу, полковнику Богуславскому, и попросить совета, но тот попросту приказал закрыть бюллетень – последнее время полковник отзывался обо всей этой затее неодобрительно. В конце концов редактор решил, что все должна спасти вербовка Дружиловского.

Был воскресный вечер. Дождавшись, когда выпуск бюллетеня поступил в киоски, Ляхницкий направился в редакцию, рассчитывая остаться там с Дружиловским наедине. Резкий ветер с моря швырял ему в лицо мокрый снег, слепил глаза. Сквозь снежную пелену уютно светились окна – конечно же, все уважающие себя люди в такую погоду сидят дома. Впрочем, Ляхницкий свою холостяцкую квартиру не любил и вечером предпочитал пойти в ресторан или в гости, у него было даже расписание – когда к кому. Сегодня он пошел бы к хозяину типографии, в этом доме всегда великолепная еда. Вместо этого ему надо заниматься вербовкой своего компаньона.

Возле отеля «Палас» Ляхницкий подошел к газетному киоску – сегодня первый раз бюллетень выпущен в воскресенье. Продажа шла довольно бойко. Но сейчас это не обрадовало – тем труднее будет разговаривать с Дружиловским: раздувшаяся уверенность компаньона становилась непереносимой...

Дружиловского он застал в прекрасном настроении.

– Сегодня мы даем две тысячи сверх тиража! Я открыл вам Клондайк! – закричал он, увидев в дверях Ляхницкого.

– Прекрасно, прекрасно, – рассеянно ответил редактор, снимая и отряхивая серое ворсистое пальто и садясь в кресло по другую сторону стола.

– Чего это вы такой кислый? – насмешливо спросил Дружиловский, поглаживая усики. – Опять будете петь, что снижается тираж вашей газеты. Бухгалтер сказал мне, что ваш убыток по газете в четыре раза перекрывается прибылью от бюллетеня.

Ляхницкий молчал, решая, как начать разговор. Не любил он заниматься этим делом, всегда оно проходило как-то тяжело, туго. Еще не было случая, чтобы кто-то согласился стать агентом из возвышенных политических убеждений, всегда надо было прибегать к сильнодействующим средствам: деньги и страх. Пугать он не умел, сам был не из храбрых, а его денежные посулы не выглядели убедительными, он сам получал далеко не то, что ему когда-то было обещано полковником Богуславским...

– Все разговоры, что наш бюллетень быстро выдохнется, – отчаянная чепуха, – продолжал меж тем Дружиловский. – Смею вас заверить... – Он внезапно замолк и уставился на дверь. Ляхницкий тоже повернулся туда всем своим крупным телом...

В дверях стоял господин Вейлер – издатель книг и самой популярной эстонской газеты. Его крупное лицо с обаятельной улыбкой часто мелькало на газетных страницах, и компаньоны сразу узнали его. Это был очень богатый и влиятельный человек, все знали, что он близок с самим президентом. Появление его здесь, в маленькой скромной редакции бюллетеня, было настолько невероятным, что Дружиловский и Ляхницкий смотрели на него, не пытаясь скрыть своего изумления, и молчали. Он стоял перед ними в светлом пальто из мохнатого драпа, в модной шляпе с широкими полями, с массивной тростью в руке и с неизменной обаятельной Улыбкой.

– Здравствуйте, господа, – сказал он мягким, вкрадчивым голосом по-немецки.

– Здравствуйте... здравствуйте, – вразнобой ответили хозяева бюллетеня, один – по-немецки, другой – по-русски.

Вейлер прошел к столу, поставил в угол палку, снял шляпу, стряхнул с нее мокрый снег и положил на стол, расстегнул пальто и, не дожидаясь приглашения, сел в глубоко просиженное кресло напротив Ляхницкого.

Оглядевшись и подождав немного, он сказал:

– Мой отец начинал дело в такой же обстановке. Я хорошо помню, это было на Морской улице... – И добавил с улыбкой: – Только мой отец не издавал бюллетеня, он торговал гвоздями. – Он подождал, пока смысл и интонация сказанного им достигли цели, и спросил: – Это правда, что вы собираетесь издавать свой бюллетень на эстонском языке?

– Успех бюллетеня окрыляет нас, – вежливо и холодно ответил Ляхницкий, он уже понимал, что привело к ним издателя и что ничего хорошего от этого ждать нельзя.

– Высоко взлетать я вам не рекомендую. Больнее потом падать, – Вейлер вынул из жилетного кармана сигару, раскурил ее неторопливо и продолжал все с той же ласковой улыбкой: – После выхода вашего вонючего бюллетеня тираж моей газеты снизился на семь процентов. Люди еще не разобрались, какие вы жулики.

– Ну знаете... – возмущенно начал Ляхницкий, но издатель остановил его жестом руки.

– Прошу выслушать меня, – сказал он, серьезно глядя на Ляхницкого серыми глазами из-под белесых бровей. На Дружиловского он вообще не обращал никакого внимания, будто его тут и не было. – По-русски можете продолжать свое издание, хотя я уверен, что и русские не так глупы, как вы думаете. Но если вы начнете переводить свои сочинения на эстонский язык, вы об этом пожалеете... – Издатель встал и обратился к Дружиловскому: – Жаль, что вас ничему не научила ваша афера с изданием книг... – Он выждал немного и отчетливо произнес по-немецки: – Я точно знаю, господа, какому иностранному богу вы молитесь, и при случае сообщу об этом эстонской общественности.

Он взял шляпу и, остановившись у двери, добавил:

– Да, не пытайтесь прибегнуть к помощи вашего высокопоставленного друга из эстонского правительства. Этим вы его только выдадите... Или провалите... Или, как там у вас это называется...

Хлопнула дверь.

Мясистое лицо Ляхницкого побледнело.

– Что же это такое? – бормотал он, вытаскивая платок и прикладывая его ко лбу. Он рывком поднялся с кресла и грузно зашагал по комнате из угла в угол, бормоча что-то себе под нос.

– А что, собственно, случилось? Это же обычная конкурентная борьба, – сказал Дружиловский, вскидывая маленькую красивую голову.

– Что? Что-о? – задохнулся Ляхницкий, остановившись посреди комнаты. – Вы же ни черта не поняли! Катастрофа! Вот что произошло! Надо принимать срочные меры! – Он схватил пальто и шляпу. – Ждите меня здесь! – крикнул он уже из дверей.

Ляхницкий прибежал на квартиру Богуславского, когда там уже собрались и сели за зеленый стол гости полковника – партнеры по традиционному воскресному покеру. Они только начали игру.

Полковник вышел к редактору в переднюю с картами в руках, собираясь выставить его без всяких разговоров. Но когда он узнал, что произошло, из него точно воздух выпустили.

– Матка боска, – еле слышно проскрипел он.

Они молча стояли друг перед другом. Оба они понимали, что, если Вейлер предаст гласности польские связи министра внутренних дел, Варшава им этого не простит.

Полковник поднял косматые брови, и Ляхницкий увидел его горящие бешенством глаза.

– Все ваш проклятый бюллетень, ваша вечная погоня за деньгами! – шипящим шепотом начал Богуславский и вдруг вскрикнул хрипло: – Немедленно закрыть!

– Это будет выглядеть как наше признание, – после паузы осторожно возразил Ляхницкий, но, увидев, как запрыгали стрелчатые усы полковника, поспешно добавил: – Мы его прикроем, но не сразу. А сейчас немедленно опубликуем опровержение слухов об издании на эстонском языке. И я предупрежу министра, у него достаточно возможностей поставить издателя на место.

– Ни в коем случае! – полковник поднял руку с картами, точно собирался ударить ими Ляхницкого. – Он испугается и сам порвет с нами. Немедленно опровергните слух. Если издатель знал об этом и до сих пор молчал, значит, все дело в вашем проклятом бюллетене.

– Но, может, он ничего и не знает и просто шантажировал нас? – спросил Ляхницкий, но, взглянув на шефа, добавил: – Так или иначе мы его больше раздражать не будем.

Постепенно они успокоились. Оба понимали, что предпринять сейчас что-нибудь радикальное нельзя, нужно выжидать, как пойдут события дальше.

– Дружиловский понимает ситуацию? – спросил полковник.

– Разве что догадывается.

– Он завербован?

– Как раз сегодня собирался, но явился Вейлер.

– Что вы медлите? – закричал полковник. – Завербовать, и пусть это дерьмо стоит во фронт и делает то, что мы прикажем!..

Дружиловский понимал, что стряслась беда, хотя не все ему было ясно, и, надеясь, что пронесет, твердил:

– Где удачи, там и беда... где удачи, там и беда, – и матерился.

Увидев вернувшегося Ляхницкого, он бросился к нему:

– Ну что? Что случилось? Вы живы?

Ляхницкий, не отвечая, долго снимал и отряхивал пальто, причесывался, потом опустился в кресло, в котором недавно сидел издатель.

– Шутить не время, Сергей Михайлович, – угрюмо сказал он. – Наша с вами судьба поставлена под удар. Да и не только наша...

– Скажите, ради бога, что случилось? Я же плохо знаю немецкий язык, что сказал этот чертов босс? – взмолился Дружиловский, вытянув вперед свое острое лицо.

– То, что вы не поняли, это даже хорошо, а сказать вам я не могу. Но хочу предупредить, что вы находитесь на крутом повороте судьбы и все сейчас будет зависеть только от вас...

– Ничего не понимаю! – Дружиловский развел маленькими женскими руками.

Ляхницкий молчал, барабанил по столу толстыми пальцами.

– Мне кажется, у вас есть основания считать, что я вам не просто компаньон, – заговорил он наконец. – Во всяком случае, зла вы от меня не знали.

– Я признателен вам за вашу дружбу, – негромко ответил Дружиловский.

– Как вы думаете, Сергей Михайлович, на какие деньги вы начали наш бюллетень?

– На ваши, конечно, – несколько обиженно ответил Дружиловский.

– Нет, Сергей Михайлович, это были деньги не мои. Это были деньги Польши. Если хотите знать правду, у меня вообще никаких своих денег нет. И моя газета тоже выходит при поддержке Польши, так что, когда вы меня утешали прибылями от бюллетеня, мне смешно было вас слушать.

Сдвинутые черные брови Дружиловского разошлись, напряжение на лице погасло – он все понял. Понял, но еще не знал, куда клонит редактор.

– Так как же вы, Сергей Михайлович, собираетесь отблагодарить Польшу за помощь??

– Совершенно не представляю, – ответил Дружиловский. – Но догадываюсь, что дело не в деньгах.

– Да, не в деньгах, – подтвердил Ляхницкий.

Он неторопливо достал из кармана давно приготовленный им документ вербовки.

Дружиловский прочитал текст и поднял на редактора наглые, веселые глаза:

– Ну и что же я должен сделать? – Ни удивления, ни испуга не было в его вопросе.

– Подписать, и все, – ответил Ляхницкий. – Но подписать с полным сознанием высочайшей ответственности, вашей личной ответственности.

Дружиловский размашисто расписался под вербовочным обязательством.

– Поздравляю вас, – сухо сказал Ляхницкий, вкладывая обязательство в портмоне тисненой кожи. – А теперь садитесь и пишите опровержение дурацкого слуха о выпуске бюллетеня на эстонском языке. Тон самый категорический.

– Приказывайте, приказывайте, теперь я ваш слуга, – говорил Дружиловский, подвигая к себе бумагу, – беда оказалась совсем не бедой, и он не мог скрыть облегчения.

ИЗ РИГИ В ЦЕНТР. 12 декабря 1920 года

«Согласно вашему указанию выезжал в Ревель. Там действительно начал выходить на русском языке бюллетень экстренных сообщений. В первых трех номерах опубликованы провокационные измышления о якобы имеющем место проникновении в Прибалтийские государства агентуры Москвы или Коминтерна с целью подрывной работы. Сообщения вызывают среди населения нежелательные суждения, однако наши Друг считает, что публиковать опровержения не следует – издание того не стоит. Издателем бюллетеня является некто Дружиловский Сергей Михайлович, в прошлом офицер русской армии, затем белой, участник походов Юденича на Петроград, где он был адъютантом командующего авиацией. Его компаньоном и, очевидно, политическим руководителем или резидентом является Ляхницкий... Таким образом, корни издания, о котором сейчас идет речь, уходят в польскую разведку, и это многое объясняет... Кейт».

На этом донесении советского разведчика из Ревеля написана следующая резолюция:

Дружиловского впредь иметь в виду.

Глава шестая

Случилось как-то само собой, что бюллетень перестал выходить. Дружиловский отнесся к этому спокойно. Однажды утром секретарша дала Ляхницкому справку о том, сколько экземпляров бюллетеня продали накануне, и Ляхницкий, прочитав ее, сказал без тени сожаления:

– Все ясно, контору надо закрывать.

– Когда? – спросил Дружиловский.

– Немедленно. Сегодня... – равнодушно ответил Ляхницкий, читая еще раз лежавшую перед ним справку. Он поднял хитрые, невозмутимые глаза: – Не собираетесь же вы заработанные на бюллетене деньги истратить теперь на оплату типографии?

– Не собираюсь, – усмехнулся Дружиловский, приглаживая усики согнутым пальцем. Теперь, после вербовки, он почувствовал почву под ногами и держался независимо.

Ляхницкий умышленно свел все дело к чисто материальной стороне и не сказал, что закрыть бюллетень приказано свыше.

– Люди стали ленивы к политике, – нарушил молчание Дружиловский.

Этот их спор начался, когда тираж бюллетеня стал неуклонно падать. Ляхницкий объяснил это тем, что их издание выдохлось, перестало быть интересным, а Дружиловский, не желавший брать вину на себя, обвинял читателей, которые погрязли в меркантильности и отвернулись от политики. Продолжать этот бесполезный спор сейчас Ляхницкий считал бессмысленным – все было ясно.

– Ну что ж, бюллетень свое дело сделал, – продолжал глубокомысленно Дружиловский, закинув голову и глядя в грязный потолок.

– Согласен, – тихо отозвался Ляхницкий и подумал, что, если бы конфликт с эстонским издателем не рассосался и тот исполнил бы свою угрозу, бюллетень погубил бы их обоих. Но, слава богу, обошлось, и теперь надо кончать не затягивая. Ляхницкий позвал секретаршу и сообщил ей, что сегодня она получит расчет. У нее округлились глаза, она выхватила из рукава платочек и, прижав его ко рту, медленно вышла из кабинета – эта пожилая, интеллигентная эмигрантка была единственным человеком, который искренне горевал о бюллетене.

Вейлер напечатал в своей газете коротенький юмористический некролог, который начинался так: «Справедливая на сей раз смерть вырвала наконец из нашей на глазах расцветающей жизни чахлый сорняк, который, однако, распространял неприятный запах места, куда люди ходят в одиночку». Но конец некролога был серьезнее: «Просто непонятно, как доверчивы бывают иной раз наши официальные инстанции, с разрешения которых вылез из земли этот сорняк, – ведь покойный бюллетень „заслал“ в нашу страну такое огромное количество московских агентов, что, если бы это не было ложью, мы с вами уже давно сидели в подвалах ЧК...» Поляки, однако, поняли, что Вейлер настроен в общем миролюбиво, иначе некролог не носил бы юмористический характер. Кончина бюллетеня исчерпала этот опасный конфликт...

Ляхницкий ускоренно готовил Дружиловского к новой работе. Занятия происходили в опустевшем помещении редакции и на улицах. За столом шло обучение тому, как пользоваться шифром, кодом, паролями, симпатическими чернилами. На улице Ляхницкий показывал, как надо вести слежку и как уходить от нее самому, как выбирать место для конспиративных встреч, как устраивать тайный «почтовый ящик». Все это Дружиловскому было интересно и напоминало книжки про знаменитых шпионов. Премудрости нового дела он постигал весьма старательно. В свободное время он шел на улицу потренироваться. Выбирал в толпе человека и ходил за ним по городу, не спуская с него глаз... Вечером он шел в ресторан, где выступала Юла, садился, как всегда, за столик возле эстрады и изучал зал, как учил его Ляхницкий... Однажды, когда они возвращались ночью, Юла вдруг сказала:

– Хозяин ресторана пожаловался мне, что ты ведешь себя как шпик из уголовной полиции. Я посмотрела, действительно – липнешь глазами к людям, как репейник.

– Не твое дело, – огрызнулся он и задержал шаг, чтобы не идти рядом.

В последнее время отношения с женой у него испортились. Она почти не разговаривала с ним. Возле нее вертелся красивый эстонский дипломат. Дружиловский не ревновал, но не хотел в глазах других выглядеть смешным. Отношения с Юлой становились все хуже, и он мечтал об одном – скорее бы в настоящее дело, он покажет всем, и ей в том числе, на что он способен. Правда, поляки строжайшим образом предупредили, что жена не должна знать о его тайной службе, и он говорил ей, что работает штатным корреспондентом газеты Ляхницкого.

За три дня до Нового года Дружиловские получили письменное приглашение польского посла почтить своим присутствием вечер по случаю встречи нового, 1921 года.

Все было обставлено с дешевым шиком. Посольство сняло зал офицерского клуба. Играл оркестр. Посол с супругой встречали гостей в вестибюле. Мальчик и девочка, одетые в польские национальные костюмы, дарили гостям по цветку. Девочка, вручив цветок, делала книксен, а мальчик щелкал каблуками и отдавал честь, прикладывая руку к белой конфедератке... Без четверти двенадцать появились официанты с подносами и стали обносить гостей шампанским. Ровно в полночь жена посла – высокая сидящая красивая шатенка – пожелала гостям в новом году большого счастья, оркестр грянул польский гимн.

Посол обратился к гостям с краткой речью. Он предложил забыть на этот вечер, что жизнь, в общем-то, достаточно сложна, и быть просто людьми, собравшимися с единственной целью – провести новогоднюю ночь среди друзей.

Раздались звуки шопеновского вальса, толпа расступилась к стенам, и посол с супругой открыли танцы. Они кружились легко, слаженно, гости смотрели на них, но никто не решался последовать их примеру. Провальсировав целый круг, посол и его жена остановились; она, улыбаясь, поманила к себе эстонского дипломата, а ее муж направился к Юле. Когда посол попросил разрешения пригласить его жену, Дружиловский растерялся, пробормотал нелепое «извольте» и подтолкнул Юлу. Посол низко поклонился, она медленно положила ему руку на плечо и, гордо закинув голову, послушно и плавно вошла в вальс.

Постепенно круг заполнился танцующими. Но Дружиловский, впервые попавший на такой раут, чувствовал себя все-таки скованно. Первый вальс окончился, Юла стояла неподалеку, оживленно болтая по-французски с эстонским дипломатом. Ничего не скажешь, в бордовом бархатном платье с большим вырезом она выглядела эффектно.

Ляхницкий видел, что его протеже не в своей тарелке, и не отходил от него.

– Вы чего, дружок, тушуетесь? Здесь не боги, ой не боги. Видите господина с рыжей толстухой?.. – шептал он Дружиловскому в самое ухо. – Это оптовый торговец сливочным маслом. Жулик, каких свет не видел. Но депутат парламента и друг министра просвещения. Говорят, жена министра к нему благосклонна. А вот и она со своим благоверным. Хороша, слов нет, и, наверно, раза в два моложе муженька, так что вполне возможно, что ее бриллианты из сливочного масла. – Грузное тело Ляхницкого колыхнулось в тихом смехе.

– А вон тот свирепый генерал – эстонский военный министр. До мозга костей немецкая штучка. Там он учился, туда и теперь смотрит. Он с нашим Пилсудским каждую зиму охотится в Беловежской Пуще, они знакомы по Германии... Смешно: войны в глаза не видел, а весь в орденах.

...Видите, с нашим послом разговаривает красотка? Она непременно гостя на всех раутах. Если кому нужно провести через верхи выгодное дело, идут к ней, оставляют в передней пухлый пакетик – и дело в шляпе.

...А вон тот белобрысый, крупный – посол Латвии. Не дай бог заговорить с ним о разведении свиней, не отвяжется до рассвета. Его ферма в Латвии поставляет бекон в Англию, так что он на своих свиньях едет к большому богатству.

Дружиловский молча и жадно впитывал в себя эту информацию, и она безотчетно успокаивала его, придавала уверенности, он уже не чувствовал себя потерянным среди этих фраков, смокингов и бальных платьев. Вот уж действительно не боги... Вдруг он схватил Ляхницкого под руку – через весь зал, с обаятельной улыбкой, к ним направлялся эстонский издатель, тот самый всемогущий господин Вейлер. Дружиловский затаил дыхание...

– С Новым годом, уважаемые коллеги! – весело сказал издатель и пожал обоим руки. – На вашем приеме, как всегда, обилие красавиц и недостаток крепких напитков. Не собираетесь потом восполнить недостающее? Готов сопровождать.

– Увы, нам это неудобно, – вздохнул Ляхницкий.

– Тогда пойду искать, кому удобно, – рассмеялся издатель и проследовал дальше, большой, пышущий здоровьем, ни от кого не зависимый.

– Что вы замерли? – захохотал Ляхницкий. – Забудьте, все давно в полном порядке.

Официанты стали разносить коньяк в маленьких рюмочках и крохотные, величиной с пятачок, сэндвичи.

Ляхницкий с Дружиловским выпили коньяку, съели по сэндвичу и посмеялись бережливости посла.

Послышалось надрывное польское танго, и они увидели Юлу. Она вышла танцевать с эстонцем, снова вызывая всеобщее внимание. Дружиловский начал крутить аккуратно причесанной головой в поисках подходящей партнерши, а Ляхницкий снова рассмеялся:

– Пригласите вон ту, в серебристом платье, она жена издателя...

В это время к ним подошел секретарь посольства:

– Господа, вас просит посол.

Он провел их через узкую лестницу в большую комнату с плотными гардинами на окнах, небольшими удобными креслами и столами, затянутыми зеленым сукном. За одним из них сидели посол и военный атташе полковник Богуславский.

Когда посол танцевал с Юлой, ловкий, подтянутый, с розовым лицом, он казался еще вполне крепким мужчиной. Сейчас, вблизи, Дружиловский видел склеротический румянец на его бритых щеках, под глубоко запавшими глазами – вспухшие белые мешки. Черные усы были явно покрашены. Дружиловский остановился перед ним, маленький, стройный, затянутый в смокинг, с красивым, старательно ухоженным и напудренным лицом. Сдвинув каблучки, он слегка склонил напояженную голову – на уроках офицерского этикета это называлось бальным поклоном.

– Садитесь, панове, – посол указал на кресла желтой, с распухшими суставами рукой.

Они сели.

– Почувствовав под руками зеленое сукно, вы, наверное, хотели бы начать игру, – сказал посол полковнику Богуславскому и повернулся к Дружиловскому: – Ваша супруга танцует великолепно.

Тот благодарно, с независимой улыбкой склонил голову.

– Веселье весельем, – продолжал посол, – но я решил воспользоваться тем, что вы здесь все вместе, и оторвать вас на несколько минут в связи с делом, которое не терпит отлагательств. И заодно лучше познакомиться с вами... – посол посмотрел на Дружиловского сквозь толстые очки. – Как вы себя чувствуете в нашей дружной семье?

– Очень хорошо, – ответил тот и улыбнулся, приоткрыв под усиками ровные белые зубы.

– Это естественно, – любезно кивнул посол. – Полковник Богуславский говорил, что в ваших жилах есть польская кровь. Прислушивайтесь почаще к ее голосу, и все будет хорошо.

Дружиловский с очень серьезным лицом согласно наклонил голову.

– А мы, в свою очередь, очень рассчитываем на вас... – продолжал посол. – Обстановка такова, что мы обязаны напрячь все свои силы, забыть о личном и помнить только об интересах нашей милой Польши. Готовы ли вы к этому? Скажите откровенно и честно.

– Я весь в вашем полном распоряжении, – негромко ответил Дружиловский и оглянулся на Ляхницкого, ища поддержки. Но редактор не отрывал глаз от посла.

– Прекрасно сказано, молодой человек, прошу повторить... – вдруг холодно произнес посол.

Дружиловскому пришлось повторить.

Посол стал говорить об остроте создавшегося момента... Москва хочет изолировать Польшу и проникнуть в Прибалтику. Правительства здешних лимитрофов слепы и во имя барыша идут на постыдную сделку с большевиками. Однако Польша еще не ослепла, и она выполнит свою священную миссию спасения Европы. Сейчас главное событие – мирные переговоры в Риге. Польша тоже сядет за стол переговоров, но только для того, чтобы превратить его в поле битвы за свои идеалы. Быть может, мы даже подпишем подготовленный мирный договор с русскими, но на самом деле это не больше как новая и мудрая тактика. Это надо понимать, из этого исходить в своей деятельности во имя великой Польши.

Когда посол попрощался со всеми за руку и ушел, полковник Богуславский сказал:

– Ну что ж, панове, надеюсь, все ясно. Мне остается только объявить вам, пан Дружиловский, что вы направляетесь в Ригу и будете там работать. Вы для этого очень удобная фигура – вас там никто не знает. О деталях договоримся завтра, а теперь, панове, вернемся к дамам...

Дружиловский оторопел, он не понимал: радоваться или огорчаться. Наверное, это очень хорошо – поездка, настоящие дела, связанные с секретами высокой политики, – мечты сбываются. Но почему-то стало и очень страшно – он не любил и боялся всяких перемен.

– Я поеду туда с женой? – спросил он у Ляхницкого, когда они возвращались в зал.

– Нет, – категорически ответил редактор. – Это не прогулка.

Ляхницкий, конечно, не сказал Дружиловскому главного. За время его отсутствия молодой эстонский дипломат, давний польский агент по кличке «Красавчик», должен был сблизиться с его женой, установить, кто ее резидент от английской разведки, затем завербовать Юлу и в дальнейшем через нее снабжать Англию информацией, полезной для Польши.

– В Риге вы явитесь к редактору газеты «Рижский курьер», – сказал Ляхницкий. – Это тоже наша газета. Более того, редакция фактически является оперативной группой второго отдела польского генерального штаба. Но для вас «крышей» в Риге останется журналистика, и поэтому редактор даст вам поручения, которые вы спокойно можете не выполнять. Ваш настоящий начальник майор Братковский. Ну а всякие детали завтра.

ИЗ ДНЕВНИКА ДРУЖИЛОВСКОГО

«...Все же я прибил к настоящему делу, интересному и, возможно, денежному. В книжках про шпионов этот народ живет дай бог – роскошные отели, пульмановские вагоны, шикарные бабы и все такое прочее. Для начала я агент Польши. Дадено мне кодовое имя „Летчик“. Ладно, полетаем, посмотрим, а потом найдем хозяина и покрупнее. Ушинский звал меня вместе с ним на валютные дела, он уже загребает на этом немало, но, когда он стал мне растолковывать свои премудрости про то, как курс одной валюты вдруг падает, а другой наоборот, и как надо успеть что-то продать, а что-то купить, я понял, что это не по мне, моя голова этого не выдержит, и я вляпаюсь с первого же раза. А главное, что дело Ушинского без звона, он там мудрует свои курсы, а кто про него знает? Только такие же дельцы третьего ряда, как и он сам. А я сразу вырвался на верхи – имею дело с послом и выполняю его задание, я был званым гостем у него на балу. Конечно, Польша не Америка, а все ж государство, свое пятно на карте мира имеет. А сама работа и вовсе нетрудная.

Москва, Кремль, Коминтерн, большевики, ГПУ, я сочинял про это для своего бюллетеня, и рука у меня на это набита, а моим полякам надо это же самое...»

ИЗ РИГИ В ЦЕНТР. 9 января 1921 года

«Полученные от вас рекомендации сработали. Связь установил. Кузнец производит впечатление серьезного и разумно осторожного человека, связи у него отличные, широкие и разнообразные. Я уже пользуюсь ими.

О ходе подготовки переговоров вы имеете официальные сведения от нашего полпредства. Атмосфера напряженная. Главный очаг напряженности – польское и французское посольства. Польское – в большей степени. В оправдание этой своей позиции поляки кричат, что у них есть кровные интересы в Литве. Занимающийся иностранными делами местный журналист из окружения Кузнецова говорит, что поляки, чтобы сорвать переговоры, пойдут на все, вплоть до террора против русских представителей.

В Риге действуют два польских центра. Посольство и редакция „Рижского курьера“, являющаяся также прозрачным прикрытием польских связей с русскими монархическими кругами эмиграции, а также всевозможными и тоже готовыми на все русскими авантюристами.

Общее настроение местного населения – за мирный договор. Надоела война. Привожу слова владельца большого конфекционного магазина: „Какая может быть еще война? С красными Ленина? Кому это надо? Белым русским господам, которых мы приютили? Но при чем тут мы?“

По моему ощущению, Латвия в этом смысле настроена более радикально, чем Эстония.

Кейт».

Резолюция на донесении:

Информировать Наркоминдел.

Глава седьмая

Дружиловский ехал в спальном вагоне с кожаными сиденьями и широкими окнами. Стены обиты малиновым плюшем. Он видел себя на этом фоне – в строгом темно-сером костюме, в крахмальной рубашке с синим полосатым галстуком, красивого, чисто выбритого, тщательно причесанного, пахнущего дорогими духами.

Первая служебная поездка... И все было как в книжках, все было, как он мечтал... Он причастен к тайному делу самого высокого ранга.

Его распирало от гордости, ему были необходимы свидетели его великолепия... К сожалению, в вагоне было всего три пассажира. В соседнем купе ехала дама. Он видел, как она садилась в вагон, красивая, дородная, в котиковом манто, сопровождаемая носильщиками, тащившими ее чемоданы и коробки. Увы, времени для разбега не было – поезд шел до Риги всего несколько часов. Он все же сделал попытку и медленно прошелся по коридору, но она тут же закрыла дверь своего купе. Ну и черт с ней... В другом купе, судя по форме, ехал латвийский генерал. Заговорив с ним в коридоре, Дружиловский назвал себя журналистом из русской, выходящей в Париже газеты. Генерал посмотрел равнодушными водянистыми глазами, сказал: «Пора ложиться спать», – и ушел, энергично закрыв свою дверь... Ну и тоже черт с ним...

Он вернулся к себе, сел на мягкое сиденье и начал смотреть в окно – ничего интересного, в быстро густевших сумерках проносились черные пятна хуторов, да и окно начал быстро затягивать морозный узор.

На границе глубокой ночью была проверка документов. Жандармы злые, а он усмехался: «Смотрите, проверяйте, все равно вам не узнать, кто я на самом деле...»

Утренняя заснеженная Рига показалась ему вполне европейским городом, похожим чем-то и на Петроград и на Москву. Ну а против Ревеля – так вообще столица. Извозчики возле вокзала были в точности московские, в таких же длиннополых армяках и так же назойливо зазывали седоков. Он бы взял извозчика, но ему приказано поселиться в отеле «Лондон» у самого вокзала. Он шел по Марьинской улице, глазел на витрины и вскоре остановился перед замызганной дверью с надписью по стеклу: «Отель „Лондон“». Но ничего, от названия все же веяло Европой, и он подумал, как позвонит отсюда Юле и скажет, что уже живет в ее вожделенном Лондоне – она смеялась дома, что он очень важничает, будто едет в Нью-Йорк, а не из дыры...

Однако номер, в котором он поселился, повергал в уныние. Комната была узкая, как щель, в глубокой нише – маленькое окошечко, покрытое толстым слоем льда. Стоял тяжелый запах сырости, грязные обои были в мокрых потеках.

Ничего, главное – дело.

Он пришел в странную редакцию, где никто не слонялся по коридору, не звонили телефоны, не трещали машинки, а в комнатах сидели серьезные люди, говорившие вполголоса... Газета между тем выходила, и у нее был редактор господин Домбровский – веселый поляк, не похожий ни на редактора, ни на то, чем был на самом деле. Он носил галстук «павлиний хвост», а все в редакции называли его «пан майор». Когда Дружиловский представился ему и передал привет от коллеги Ляхницкого, редактор весело хмыкнул:

– Еще один нахлебничек на шею моей бедной газеты. Когда у польского мужика спрашивают, как он живет, он отвечает: еле выкручиваюсь – лошадь одна, а у жены родственников пол-Польшы, и все нищие... Но ничего, как-нибудь выкручусь. Считайте, что я вам дал газетных заданий на год вперед и что вы их уже выполнили. Но в редакции вы должны бывать регулярно. А сейчас пройдите в соседнюю комнату, на двери табличка «Информация», там ваш непосредственный начальник – майор Братковский...

В комнате сидел штатский господин лет сорока, с красивым, неподвижным, точно высе-
ченным из камня, лицом. Говорил он одними губами, негромким, ровным голосом, смотря
серыми стеклянными глазами.

– Мне сообщили, что вам ближе всего журналистика, но нам этого не надо, – сказал майор
Братковский тихим голосом и долго молча смотрел на Дружиловского. Подпоручик молчал,
да и что он мог на это ответить?

– Вы будете подчинены мне и будете выполнять то, что я прикажу, – добавил Братков-
ский, повысив голос, и, пригласив Дружиловского сесть ближе, стал объяснять, что и как надо
было делать.

Задание делилось на три этапа. Первый – внедрение в салон русской актрисы Веры Дмит-
риевны Ланской. Сделать это было совсем легко – Ланская была агентом польской разведки.
Второй этап – подобрать среди посещающих салон русских офицеров смелого, надежного чело-
века, который согласился бы за солидное вознаграждение совершить покушение на одного из
членов большевистской делегации, приехавшей в Ригу на мирные переговоры. На кого именно,
будет уточнено позже. И третий этап – он совмещался со вторым – подобрать группу из пяти-
семи человек, которые, тоже за приличную плату, хулиганили бы у здания советского посоль-
ства и там, где будут проходить переговоры. Сверх того было приказано с помощью некоего гос-
подина Воробьева, посещающего салон, сблизиться с его другом, который располагал какой-то
возможностью проникновения в посольство красных. Сделать это надо было очень осторожно.

– Все ли вам понятно? – спросил майор Братковский.

– Да, все ясно, – ответил Дружиловский, опасаясь спрашивать.

– Меня предупредили еще, что у вас растрепанный характер. Важность дела должна
заставить вас собраться. Каждый ваш шаг только для дела. В ином случае вас постигнут круп-
ные неприятности.

На другой день около полудня он подошел к православному собору, куда должна была
прийти Ланская. Вокруг было очень красиво. Парк с покрытыми пушистым ином деревьями
казался сказочным миром неподвижности и тишины, а рядом шумела бойкая улица, кати-
лись гремучие трамваи. Неподалеку на оживленном перекрестке газетчики шалыми голосами
выкрикивали новости. Дружиловский наблюдал все это рассеянно. Он нервничал – начиналась
работа, и он не хотел обнаружить свою неопытность... Ланская между тем опаздывала, и он,
чтобы согреться, ходил вдоль парадной лестницы собора, засунув поглубже руки в карманы
узкого пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.